319

СКОПЧЕСТВО

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ

ВЛАДИМІРСКОЙ ЕПАРХІИ.

ВЛАДИМІРЪ ГУБ.
Типо-Литографія В. А. Паркова.
1900.

320

СКОПЧЕСТВО
въ предѣлахъ Владимірской епархіи.

(По мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ).

Появленіе скопцовъ въ предѣлахъ Владимірской епархіи до извѣстной степени стоитъ въ связи съ общей исторіей скопчества въ Россіи, собственно въ связи съ судьбой главныхъ лжеучителей и вожаковъ этой секты, поэтому мы находимъ не лишнимъ изложенію мѣстной исторіи скопчества предпослать общій очеркъ его судьбы въ нашемъ отечествѣ.

Оскопленіе въ смыслѣ извѣстнаго физическаго изуродованія извѣстно съ глубокой древности: языческая миѳологія и исторія сообщаютъ о многихъ случаяхъ оскопленія.—О древности оскопленія свидѣтельствуетъ также и Библія; во Второзаконіи (XVIII, 1) говорится: «да не входитъ каженикъ и скопецъ въ сонмъ Господень».

Скопцы въ должности евнуховъ имѣли широкое распространеніе среди народовъ Востока. Занимая должности охранителей гарема, эти скопцы пользовались особеннымъ довѣріемъ своихъ повелителей, большимъ вліяніемъ на нихъ и на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Это скопчество не имѣло подъ собой никакихъ особенныхъ нравственныхъ тенденцій; по большей части оно было подневольнымъ. Но во времена языческой еще древности существовало оскопленіе и по религіознымъ побужденіямъ: въ Сиріи, а затѣмъ въ Греціи и Римѣ былъ культъ богини Цыбелы, жрецы коей предъ своимъ избраніемъ въ эту должность должны были сами совершить надъ собой операцію оскопленія.

Съ началомъ христіанства скопчество не исчезаетъ, а распространяется даже шире, совершаемое по разнымъ мотивамъ. Во второмъ вѣкѣ мы находимъ два замѣчательныхъ при-

мѣра самооскопленія—Оригенъ и Леонтій, епископъ Антіохійскій; тотъ и другой оправдывали свое самооскопленіе словами Спасителя: «суть скопцы, иже отъ чрева матери родишася тако, и суть скопцы, иже оскопишася отъ человѣкъ, и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго» (Мѳ. IX, 12).—Во времена св. Василія Великаго существовали цѣлыя общества самооскопителей по тѣмъ же религіознымъ побужденіямъ; противъ нихъ святитель направлялъ свои обличенія. Въ IX вѣкѣ, какъ видно изъ 8 правила Константинопольскаго двукратнаго собора, даже духовныя лица иногда позволяли себѣ оскоплять другихъ, побуждаемыя тою же ревностью о царствіи небесномъ.

Въ Византійской имперіи въ тоже время существовали и евнухи и невольные скопцы, подвергнутые этой тяжелой операціи во время частыхъ тамъ политическихъ смутъ.

На Западѣ въ Италіи, начиная съ среднихъ вѣковъ и до конца XVIII вѣка, существовалъ особый видъ скопцовъ; это т. н. кастраты, подвергнутые операціи оскопленія съ цѣлію сохраненія голоса.

Въ древней христіанской Руси извѣстны два грека-скопца на каѳедрѣ Кіевской митрополіи—Іоаннъ II и Ефремъ (1089—1096 гг.); въ концѣ первой половины XII вѣка извѣстны скопцы епископы Мануилъ Смоленскій и Ѳеодоръ Владиміро-Волынскій; въ первой половинѣ XIV столѣтія встрѣчается имя скопца епископа—это Ѳеодосій въ Луцкѣ.—Затѣмъ до второй половины XVIII вѣка въ Россіи скопчество нигдѣ и никогда не обнаруживалось даже въ единичныхъ случаяхъ.

Въ перечисленныхъ выше видахъ скопчества обращаетъ на себя вниманіе оскопленіе добровольное, совершавшееся по религіозно-нравственнымъ побужденіямъ. Такіе скопцы христіане подвергали себя тяжелой операціи изъ ревности о своемъ спасеніи; временнымъ страданіемъ они желали пріобрѣсти вѣчное блаженство, основывая свои надежды на словахъ Спасителя: «суть скопцы, иже исказиша сами себѣ царствія ради

небеснаго (Мѳ. IX, 12). Но въ этомъ ихъ поступкѣ была одна только неразумная ревность, неправильно понятое христіанское ученіе. Здѣсь не заключалось еще ереси, не было отдѣленія отъ православной церкви. Поэтому такіе скопцы и въ Византіи и на Руси могли занимать высшія іерархическія должности въ церковномъ управленіи.

Во второй же половинѣ XVIII вѣка въ Россіи появляется скопчество, какъ общество, какъ секта, по своимъ догматическимъ и нравственнымъ воззрѣніямъ рѣзко и радикально отдѣлившаяся отъ Православной церкви.—Первое извѣстіе о немъ относится къ 1772 году, когда въ Орловскую провинціальную канцелярію было донесено о появленіи 13 скопцовъ въ деревнѣ Богдановкѣ, Орловской губерніи, Сѣвскаго уѣзда. О такомъ необычномъ явленіи было доведено до свѣдѣнія Императрицы Екатерины II; по ея приказу наряжено было чрезвычайное слѣдствіе. Донесеніе оправдалось; одинъ изъ вожаковъ движенія былъ арестованъ, подвергнутъ наказанію и сосланъ въ Нерчинскъ, другой же, неизвѣстный по имени, успѣлъ во время слѣдствія скрыться; оскопленные оставлены были на мѣстѣ своего жительства.

Откуда же взялись эти новые сектанты? Изслѣдователи скопчества полагаютъ, что оно выродилось изъ хлыстовской секты, появившейся на Руси еще въ XVII столѣтіи и въ XVIII имѣвшей уже широкое распространеніе. Объ этомъ говоритъ связь и общеніе скопцовъ прошлаго столѣтія съ хлыстовскими общинами, съ ихъ т. н. «кораблями». Кромѣ того, между ученіемъ хлыстовъ и скопчествомъ есть связь и логическая.—По ученію хлыстовъ, только душа человѣка есть существо чистое и не порочное, а тѣло грѣховно и нечисто. Всѣ требованія физической природы человѣка нужно ограничивать и уничтожать, а прежде всего уничтожать половыя потребности, какъ главный источникъ грѣха. Отсюда—бракъ есть скверна, всѣ люди должны быть братьями и сестрами... Но какъ и въ другихъ случаяхъ, и въ хлыстовской сектѣ оказалось пропасть

между теоріей и дѣйствительностью. Уже съ самаго начала у хлыстовъ были замѣтны нарушенія ихъ морали, а впослѣдствіи ихъ молитвенныя собранія, т. н. «радѣнія» сдѣлались мѣстомъ самаго широкаго и противоестественнаго разврата.—При такихъ условіяхъ среди ревнителей хлыстовской морали естественно могла возникнуть мысль о какомъ-либо радикальномъ средствѣ къ устраненію подобнаго зла. Оскопленіе и является такимъ радикальнымъ средствомъ: съ удаленіемъ органовъ удалятся и страстныя вожделѣнія, не будетъ разврата, человѣкъ сдѣлается безстрастнымъ, подобнымъ ангеламъ. Такъ и понимали дѣло сначала хлысты: принимая оскопленіе, они въ немъ не видѣли ничего противнаго своей сектѣ. Выдѣленіе скопчества въ особую секту произошло уже впослѣдствіи.

Кто же былъ основателемъ и распространителемъ этого новаго ученія? По первому слѣдствію надъ скопцами въ 1772 г. были найдены два, такъ сказать, зачинщика: нѣкто Андрей Ивановъ и другой успѣвшій скрыться во время слѣдствія и оставшійся неизвѣстнымъ. Андрей Ивановъ, какъ сказано выше, былъ сосланъ въ Нерчинскъ и такимъ образомъ сошелъ со сцены. Успѣвшій же скрыться неизвѣстный конечно могъ продолжать свою проповѣдь оскопленія. Личность этого неизвѣстнаго остается таинственной до настоящаго времени: въ точности не установлено, какого онъ былъ званія и происхожденія, и какимъ именемъ назывался.—По наиболѣе вѣроятному мнѣнію изслѣдователей, это былъ крестьянинъ села Столбова, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи—Кондратій или Андрей Селивановъ.—Подъ этимъ именемъ онъ по крайней мѣрѣ сталъ извѣстенъ впослѣдствіи. Это былъ необыкновенно искусный и ревностный фанатикъ своей идеи спасти погибавшихъ нравственно людей оскопленіемъ, имѣвшій чрезвычайно сильное вліяніе на своихъ послѣдователей, умѣвшій произвести впечатлѣніе даже на постороннихъ, вовсе не сочувствующихъ его идеѣ.

Избавившись отъ грозившаго ему наказанія, когда розыски прекратились, Селивановъ снова ревностно принялся за про-

322

повѣдь своей идеи среди Орловскихъ хлыстовъ; въ одномъ самомъ видномъ «кораблѣ» ихъ—именно въ кораблѣ Акулины Ивановны—онъ встрѣтилъ дружественный пріемъ и примкнулъ къ нему. Здѣсь онъ скоро нашелъ себѣ ревностнаго сотрудника, своего «предтечу» Александра Иванова Шилова изъ крестьянъ Тульской губерніи. Общими силами они начали самую дѣятельную пропаганду и чрезъ 2—3 года скопчество появилось уже въ трехъ сосѣднихъ губерніяхъ—Орловской, Тульской и Тамбовской. Новообращенные фанатики начали уже дѣйствовать открыто и насильственно, стали оскоплять малолѣтнихъ дѣтей. Такое поведеніе ихъ естественно вновь обратило на себя вниманіе правительства, наряжено было новое слѣдствіе, но главные вожаки и теперь успѣли ускользнуть отъ суда; болѣе видные скопцы, которые могли вліять на другихъ, были сосланы въ Ригу, а прочіе оставлены на мѣстахъ своего жительства.

Но не вездѣ и среди хлыстовъ новые проповѣдники находили себѣ сочувствіе. Многіе озлобились противъ фанатической проповѣди оскопленія; озлобленіе было такъ сильно, что одного изъ сотрудниковъ Селиванова, извѣстнаго подъ именемъ Мартынушки, даже убили. Московскіе же хлысты выдали правительственной власти самого Селиванова... Арестованнаго лжеучителя по обычаямъ того времени публично наказали во всѣхъ главныхъ мѣстахъ его преступной дѣятельности—въ гг. Тулѣ и Тамбовѣ и въ селѣ Сосновкѣ Моршанскаго уѣзда и затѣмъ въ 1775 году сослали въ Нерчинскъ.

Такъ закончился первый періодъ дѣятельности Кондратія Селиванова.

Но съ удаленіемъ его въ далекую Сибирь распространеніе скопчества не останавливается, напротивъ зло распространяется шире; скопцы появляются въ новыхъ мѣстахъ: въ губерніяхъ Курской и Калужской, въ г. Москвѣ и Московской губерніи, въ Петербургѣ и его губерніи, въ г. Ригѣ.—Въ ихъ средѣ оказываются уже не только темные простолюдины, но

и богатые купцы, какъ напр. Колесниковъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Масонова, ведшій обширную торговлю съ Сибирью, лично извѣстный Императрицѣ Екатеринѣ II и Императору Павлу Петровичу.

Самъ Селивановъ въ Сибири жилъ почти безъ всякихъ стѣсненій. Почему-то онъ не былъ водворенъ въ Нерчинскѣ, а остался въ Иркутскѣ, гдѣ жилъ на свободѣ, расхаживалъ по улицамъ и базарамъ, собирая подаяніе якобы на построеніе храма. Конечно, онъ не оставилъ и своей пропаганды, которая, какъ оказывается, была очень успѣшна. Есть извѣстіе, что къ концу прошлаго столѣтія скопчество сильно распространилось въ Сибири: въ четырехъ губерніяхъ насчитывалось до 600 скопцовъ.

Въ 1795 году Селивановъ бѣжалъ изъ Сибири и объявился въ селѣ Быковѣ, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи подъ колокольнею въ видѣ «трудника якобы безъязычнаго, носившаго желѣзныя вериги на животѣ и на ногахъ». Благодаря содѣйствію вышеупомянутаго Колесникова и скопцовъ, жившихъ въ попутныхъ губерніяхъ, совершить побѣгъ и добраться до Европейской Россіи было не трудно. Есть извѣстіе, что еще на пути на одной изъ станцій Селивановъ объявилъ себя царемъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ; и здѣсь въ Московской губерніи таинственный странникъ подъ строжайшимъ секретомъ назвалъ себя тѣмъ же высокимъ лицомъ.

Откуда же могла возникнуть мысль о подобномъ самозванствѣ и какую цѣль могла имѣть подобная мистификація? Полагаютъ, что здѣсь отразилась общая манія XVIII вѣка, вызванная недавнимъ Пугачевскимъ бунтомъ.—Что же касается цѣли самозванства, то вѣроятно, что съ такимъ именемъ Селиванову казалось удобнѣе пропагандировать свою идею, привлекать къ себѣ послѣдователей. Вѣдь люди такъ падки на все танственное, необычайное. Слухи о появленіи въ живыхъ Императора Петра III дошли или вѣрнѣе, искусно доведены были до Императора Павла Петровича.—Заинтересованный

ими императоръ вызвалъ главныхъ вожаковъ скопчества, сосланныхъ въ крѣпость Динаминдъ, бесѣдовалъ съ ними, а вскорѣ послѣ того приказалъ заключить ихъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Но слухи о Петрѣ III не прекращались; Императору доложили, что Петръ III дѣйствительно живъ и скрывается въ Сибири.—Наконецъ, въ 1797 году Селивановъ появляется въ Петербургѣ.—Скопцы разсказываютъ, что онъ былъ представленъ Императору и на вопросъ его: «ты мой отецъ»? будто бы отвѣчалъ: «грѣху я не отецъ, прими мое дѣло (т. е. оскопленіе) и я признаю тебя своимъ сыномъ». Результатомъ этого свиданія было помѣщеніе Селиванова въ Обуховскій домъ умалишенныхъ, гдѣ онъ и оставался до конца царствованія Императора Павла.

Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I въ исторіи русскаго скопчества начался т. с. золотой вѣкъ: въ это царствованіе оно не только широко распространилось, но и развилось съ внутренней стороны, выработалось въ особую секту, порвавшую связи не только съ Православной церковью, но и съ хлыстовствомъ, изъ котораго оно вышло. Духъ того времени, широкое распространеніе мистицизма среди русскаго общества, личный характеръ Императора Александра Павловича—все это способствовало расцвѣту скопчества, въ которомъ склонны были видѣть не вредную секту, а своеобразную форму выраженія религіозно-нравственнаго настроенія, извинительное заблужденіе при добрыхъ намѣреніяхъ.—Снисходительность къ скопцамъ выразилась уже въ томъ, что въ 1801 году Калужскіе скопцы, надъ которыми производилось слѣдствіе, были освобождены отъ суда; заключенные въ Шлиссельбургской крѣпости скопцы частію были переведены въ отдаленные монастыри, а частію совсѣмъ освобождены.

При такомъ снисходительномъ отношеніи правительства, Петербургскіе скопцы стали дѣйствовать энергичнѣе, особенно когда къ нимъ примкнулъ интеллигентный человѣкъ, польскій выходецъ, камергеръ польскаго короля Станислава Августа

Понятовскаго, А. М. Еленскій, увлекавшійся и ранѣе мистицизмомъ.—Благодаря его стараніямъ Селивановъ вскорѣ получилъ полную свободу.—По Высочайшему повелѣнію изъ Обуховскаго дома онъ сначала былъ переведенъ въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ, а чрезъ 3½ мѣсяца въ іюнѣ 1802 г. былъ взятъ оттуда Еленскимъ.—Еленскій тотчасъ же передалъ освобожденнаго въ скопческій корабль Петербургскихъ купцовъ Ненастьевыхъ, имѣвшихъ большое знакомство съ высшимъ Петербургскимъ обществомъ.—Благодаря этому Селивановъ скоро пріобрѣлъ широкую популярность. Слава о немъ, какъ о человѣкѣ праведномъ и святомъ, обладающемъ даромъ прорицанія и даже исцѣленій, распространилась по столицѣ и домъ Ненастьевыхъ стали осаждать толпы любопытныхъ и почитателей таинственнаго старца.

Пользуясь наступившимъ благопріятнымъ временемъ, скопцы задумали дать своей сектѣ каноническую и догматическую санкцію, выяснить свое положеніе въ средѣ русскаго государства. Мысль эта была выполнена Еленскимъ, который представилъ Новосильцеву свой проэктъ о лучшемъ государственномъ устройствѣ Россіи и къ проэкту приложилъ «Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается». По этому проэкту, во главѣ Россіи остается Государь Императоръ, но при немъ постоянно присутствуетъ скопческій ересіархъ К. Селивановъ для того, чтобы «апробовать» всѣ важныя дѣла, потому что «его устами вѣщаетъ Духъ Святый», третье мѣсто авторъ проэкта отводитъ себѣ въ качествѣ военнаго министра. Приложеніе представляетъ попытку оправдать скопчество и доказать, что оно есть выраженіе истинной Христовой церкви, оно только и хранитъ завѣты Христа.

Такая смѣлая и странная попытка скопцовъ вмѣшаться въ жизнь церкви и государства конечно не могла встрѣтить сочувствія въ правительствѣ и Еленскій былъ немедленно отправленъ изъ С.-Петербурга въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь; а къ Селиванову по Высочайшему повелѣнію были

отправлены кн. Голицынъ и гр. Толстой съ предложеніемъ употребить свое вліяніе на то, чтобы больше не было оскопленій. Обѣщаніе было дано, но не исполнено. Какихъ-либо строгихъ мѣръ противъ скопцовъ въ тоже время не было предпринято.

Въ 1805 году Императоръ Александръ I, до котораго также дошли слухи о святости и прозорливости скопческаго лжеучителя, удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ въ домѣ Непастьевыхъ и бесѣдовалъ съ нимъ. Такое высокое вниманіе скопцы не премнули истолковать въ свою пользу и еще съ *большею ревностью принялись за пропаганду своего ученія:* оскоплялн не только взрослыхъ, согласно ихъ желанію, но и малолѣтнихъ, не отдѣльныхъ только лицъ, но массами.—Молитвенныя собранія скопцовъ, ихъ т. н. «радѣнія», въ домѣ Непастьевыхъ стали совершаться регулярно и публично съ величайшею торжественностью. «Комната, гдѣ совершались радѣнія, была устлана дорогимъ ковромъ съ изображеніями на немъ ангеловъ и архангеловъ. Для Селиванова здѣсь было нѣсколько кроватей, на которыхъ онъ обыкновенно проводилъ время, когда его дѣтушки совершали радѣніе. Не принимая лично участія въ радѣніи, онъ только наблюдалъ за радѣющими и давалъ всему собранію тонъ и одушевленіе»... Въ моментъ пѣнія пѣсни: «царство, ты царство, духовное царство» обыкновенно отворялись двери и «искупитель» (т. е. Селиванов), одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, въ сопровожденіи «Іоанна Предтечи и Петра Апостола», одѣтыхъ въ темныя рясы, подпоясанныя ремнями, входилъ въ комнату; всѣ присутствующіе моментально падали на колѣна, а искупитель, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, говорилъ: «покровъ мой святой надъ вами»!... [1]).

Въ 1811 году Селивановъ переселился отъ Непастьевыхъ въ домъ скопца Кострова, а въ 1817 году въ домъ Солодовникова. Моленная въ этомъ домѣ могла вмѣщать до 300 че-

[1]) Кутеповъ—„Секты скопцовъ и хлыстовъ“ стр. 198.

ловѣкъ одновременно. Домъ этотъ у скопцовъ сталъ называться «горнимъ Сіономъ», «домомъ Божіимъ». Чтобы отвлечь вниманіе власти отъ всего, что совершалось въ моленной предосудительнаго, Солодовниковъ намѣренно приглашалъ на собраніе скопцовъ важныхъ государственныхъ сановниковъ, показывая имъ конечно только то, что можно было видѣть. Онъ сдѣлалъ даже болѣе: по Высочайшему повелѣнію полиціи былъ запрещенъ входъ въ его домъ. Такимъ образомъ, общество скопцовъ, ихъ собранія и моленія, получили даже нѣкотораго рода правительственную гарантію.

Въ это время самыми дѣятельными и искусными сотрудниками Селиванова были Семенъ Ив. Кобелевъ, служившій когда-то лакеемъ при Императорѣ Петрѣ III, и отставной солдатъ Алексѣй Иван. Громовъ. Первый особенно энергично пропагандировалъ мысль, что Селивановъ — это Императоръ Петръ III, а второй былъ ярый и хитрый фанатикъ, не останавливавшійся ни предъ чѣмъ въ цѣляхъ своей пропаганды. Селивановъ называлъ его «своимъ первымъ апостоломъ».

Въ 1818 году кончается лучшая пора для скопчества. Ихъ открытая и даже наглая пропаганда начинаетъ безпокоить правительство, которое находитъ себя вынужденнымъ принять противъ сектантовъ строгія мѣры. Въ 1818 г. заключенъ въ Николаевскую крѣпость А. Громовъ, въ 1819 г. сосланъ въ Соловецкій монастырь С. Кобелевъ. 29 октября 1819 г. по Высочайшему повелѣнію къ Селиванову посланы чиновники Поповъ и Пилецкій съ увѣщаніемъ прекратить пропаганду оскопленія. Обѣщаніе и теперь было дано, но не исполнено: оскопленіе продолжалось. Поэтому въ 1820 году учрежденъ былъ особый секретный комитетъ о скопцахъ, который рѣшилъ удалить изъ Петербурга самого Селиванова, личному авторитету и вліянію коего общество обязано своимъ расцвѣтомъ. Въ іюнѣ 1820 г. онъ былъ арестованъ и съ большими предосторожностями отправленъ въ Суздальскій Спасскій монастырь. Архимандриту монастыря Парсенію заранѣе дано было пред-

писаніе принять начальника секты скопцовъ съ человѣколюбивою ласковостью, съ христіанскимъ расположеніемъ сердца изъ состраданія къ его старости и изъ сожалѣнія о его заблужденіи, помѣстить его въ кельѣ, которая бы служила по уединенію своему къ спокойствію его и благоразмышленію.— Такъ заботливо относилось къ лжеучителю правительство.

Чрезъ нѣсколько дней по высылкѣ изъ Петербурга Селиванова всѣ столичные скопцы были собраны въ домѣ Солодовникова и имъ объявлена Высочайшая воля, что ихъ начальникъ сосланъ въ монастырь и что всѣ, кто теперь будетъ соблазнять другихъ ко вступленію въ скопчество, подвергнутся строгому взысканію.—Это новое отношеніе къ скопцамъ правительства естественно должно было сократить нѣсколько ихъ энергичную пропаганду, но почти 20 лѣтъ снисхожденія дали возможность скопчеству широко распространиться не только въ Петербургѣ, но почти по всей Россіи. За время 1801—1820 гг. скопцы появляются въ губерніяхъ Орловской, Тамбовской, Тульской, Калужской, Новгородской, Рязанской, Костромской, Владимірской, Саратовской, Симбирской и Смоленской; въ г. Ригѣ, Москвѣ и ея губерніи (около 1820 г. здѣсь было около 1000 скопцовъ).—Всѣ эти разсѣянные скопческіе кружки составляли въ тоже время тѣсно сплоченное общество, поддерживали дѣятельныя и постоянныя сношенія между собою; связующимъ центромъ былъ Петербургъ, гдѣ жилъ ересіархъ Селивановъ.

Съ удаленіемъ Селиванова въ Суздаль Петербургъ потерялъ свое значеніе, но распространеніе скопчества не остановилось, брошенное сѣмя принесло плодъ изобильный. За время пребыванія Селиванова въ Спасскомъ монастырѣ (1820—1832 гг.) скопчество успѣло обнаружиться уже въ нѣсколькихъ новыхъ губерніяхъ: въ Таврической, Пермской. Тверской, Псковской, Харьковской, Екатеринославской, Оренбургской, Ярославской и Вятской и въ Бессарабской области. Вообще къ 1832 году не было почти ни одной губерніи, куда бы не проникла зараза скопчества.

Въ 1832 г. Селивановъ умеръ и скопцы лишились своего главнаго руководителя, но это не ослабило ихъ религіознаго фанатизма. Они не вѣрятъ въ смерть своего вождя, говорятъ, что онъ до времени только скрылся, и не перестаютъ распространять свое ученіе.—Появляются скопцы вновь въ Москвѣ и Московской губерніи; особенно много ихъ оказывается въ Таврической губерніи; въ Саратовѣ открывается цѣлый скопческій корабль. Опредѣленіе скопцовъ по суду въ военную службу вызвало распространеніе скопчества среди солдатъ. Въ 1839 г. скопческое общество обнаружено было въ Кронштадтѣ; въ 1844 г. открыта моленная скопческая въ Петербургѣ въ домѣ Глазунова.—Въ 1842—43 гг. среди скопцовъ, составлявшихъ особенную инвалидную роту на Кавказѣ, начались даже волненія, вызванныя молвой, что въ 1845 г. явится ихъ настоящій царь Петръ III.

Въ виду такихъ фактовъ въ 1845 г. въ Петербургѣ была учреждена особая коммиссія для изслѣдованія о скопцахъ. Трудами этой коммиссіи собраны были всѣ имѣвшіеся о скопчествѣ матеріалы, выяснившіе его исторію на Руси, догматическое и нравственное ученіе и культъ скопцовъ. Изслѣдованіе показало, что это дѣйствительно ересь, отдѣлившаяся отъ церкви, общество, не терпимое въ благоустроенномъ государствѣ.

Суровыя мѣры, которыя стало принимать противъ скопцовъ правительство, побудили многихъ изъ нихъ выселиться изъ Россіи за-границу, особенно въ Румынію, куда они проникли еще до 1830 года. Здѣсь они укрѣпились и также принялись за дѣятельную пропаганду, за что не однажды были преслѣдуемы мѣстной властью; но не исчезли здѣсь и до настоящаго времени.—Среди Румынскихъ—собственно Галацкихъ—скопцовъ въ 1871 году возникло реформаціонное движеніе, которое проникло и въ Россію, гдѣ закончилось Мелитопольскимъ процессомъ.—Движеніе вышло изъ сознанія неудовлетворительности нравственной жизни скопцовъ.—Ревнители благочестія усмотрѣли, что наружное оскопленіе у большинства

скопцовъ не соединяется съ внутренней чистотой души и начали дѣятельную проповѣдь нравственнаго возрожденія. Но проповѣдь эта не встрѣтила большого сочувствія. Нужно было иное средство. И вотъ въ 1872 году близъ Галаца объявился «второй искупитель и царь Петръ Ѳедоровичъ» (скопецъ Козьма Ѳедос. Лисинъ, крестьянинъ Московской губерніи). Около него появились Іоаннъ Богословъ (скопецъ Ковалевъ), Василій Великій (скопецъ Ивановъ), Григорій Богословъ и Илія Пророкъ. — Вѣсть о новомъ искупителѣ стала быстро распространяться между скопцами, проникла чрезъ его посланниковъ и въ Россію.—Вскорѣ появился въ Россіи и самъ Лисинъ. Въ г. Николаевѣ онъ былъ признанъ искупителемъ, затѣмъ въ с. Матвѣевкѣ, а за ними и во многихъ другихъ мѣстахъ юга Россіи.—Почувствовавъ надъ собою почву, Лисинъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ, чтобы представиться «явному царю», но на пути былъ арестованъ.—Возникло такимъ образомъ судебное дѣло, тянувшееся до 1876 года; къ нему было привлечено 136 скопцовъ.—Замѣчательно, что не смотря на увѣщанія и разоблаченія сумазбродства пропаганды Лисина, всѣ скопцы непоколебимо стояли на своемъ и публично исповѣдывали свою вѣру.—Лисинъ присужденъ былъ къ каторжнымъ работамъ, а прочіе сосланы въ Сибирь на поселеніе.

Въ 1869 году скопцы оказались въ Моршанскѣ (купецъ Плотицынъ), въ Бѣлгородѣ Курской губерніи, въ Тульской губерніи, въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губ. (изъ дѣла объ этихъ скопцахъ выяснилось, что въ то время скопцы были въ 17 губерніяхъ). Въ 1874 г. скопцы обнаружены въ губерніяхъ Уфимской, Казанской и Пензенской, въ г. Кронштадтѣ...

Такимъ образомъ скопчество не умерло до настоящаго времени и, можетъ быть, въ наши дни не мало такихъ изувѣровъ скрывается подъ маской православія.

Таковъ краткій историческій очеркъ развитія скопчества въ Россіи; но въ этомъ очеркѣ мы указали только внѣшнее развитіе скопческаго общества, не касаясь почти его ученія.

Теперь посмотримъ, что представляетъ собою скопчество по своей внутренней сторонѣ, какъ религіозная секта, отдѣлившаяся отъ православной церкви и не терпимая въ государствѣ.

Мы видѣли выше, что скопчество въ Россіи вышло изъ хлыстовщины, какъ мѣра, радикально пресѣкающая возможность разврата, широко распространившагося среди хлыстовскихъ «кораблей». Но для того, чтобы настаивать на такой мѣрѣ, нужны особенныя догматическія основанія. Скопцы и утверждаютъ, что І. Христосъ приходилъ на землю не только затѣмъ, чтобы научить людей истинамъ вѣры и нравственности, но главнымъ образомъ, чтобы ввести среди людей оскопленіе. Ветхозавѣтное обрѣзаніе было только тѣнью оскопленія.—Самъ І. Христосъ принялъ его отъ Іоанна Предтечи и совершилъ его надъ своими учениками.—За свое ученіе Онъ претерпѣлъ гоненія и мученія отъ жидовъ, умеръ, а душа его вмѣстѣ съ Божествомъ вознеслась на небо. Новозавѣтная церковь состояла изъ скопцовъ. Такъ было до Константина Великаго, когда христіане ослабѣли и стали уклоняться отъ оскопленія; остались только немногіе вѣрны истинному ученію... Нравственное паденіе членовъ церкви было причиною второго пришествія на землю Сына Божія, совершившагося уже въ наши дни. Объ этомъ второмъ пришествіи предсказано въ Евангеліи. Такимъ Сыномъ Божіимъ, вторымъ искупителемъ, и былъ Императоръ Петръ III Ѳедоровичъ, открывшійся потомъ подъ именемъ Кондратія Селиванова.

Въ скопческихъ пѣсняхъ разсказывается, что онъ чуднымъ образомъ родился отъ дѣвы (Императрицы Елизаветы Петровны, которая по рожденіи сына царствовала два года, а затѣмъ, передавъ престолъ одной изъ своихъ фрейлинъ, дожила послѣдніе годы въ Орловской губерніи подъ именемъ Акулины Ивановны).—Въ отрочествѣ Петръ III принялъ оскопленіе въ Голштиніи.—Когда онъ вступилъ на русскій престолъ, Императрица Екатерина скоро низвергла его съ престола, но онъ успѣлъ скрыться.—Вскорѣ онъ объявился въ кораблѣ Аку-

лины Ивановны, которая такимъ образомъ была богородица, и началъ проповѣдь оскопленія.—За эту проповѣдь онъ претерпѣлъ гоненія и страданія, 20 лѣтъ провелъ въ Сибири. Затѣмъ онъ воскресъ и въ Петербургѣ могъ уже открыто совершать радѣнія и принимать поклоненіе. Сосланный въ Суздаль, искупитель тамъ не умеръ, какъ сообщаетъ правительство, а только скрылся и вскорѣ снова явится во всей своей божественной славѣ, чтобы произвести всеобщій судъ.

Такой взглядъ на Селиванова проходитъ чрезъ всѣ сказанія и пѣсни скопцовъ; божескія почести воздавались ему, когда онъ открыто жилъ въ Петербургѣ.—Оттого и былъ такъ великъ его авторитетъ. Подчиняясь этому личному авторитету или фанатической проповѣди его сотрудниковъ и посланниковъ, сотни людей совершали сами или позволяли другимъ совершать надъ собой тяжелую операцію оскопленія, наивно полагая достигнуть этимъ чистоты душевной и получить несомнѣнное блаженство въ будущемъ.

Разсѣянные по всей обширной Россіи небольшими группами, скопцы въ тоже время составляютъ тѣсно сплоченное общество, поддерживаютъ постоянныя связи другъ съ другомъ не смотря на далекія разстоянія.—Это общество въ свою очередь разбивается на отдѣльныя общины или «корабли», въ главѣ коихъ стоятъ кормщики, сосредоточивающіе въ себѣ всѣ главныя обязанности, касающіяся вѣры и нравственности. За кормщикомъ слѣдуетъ пророчица или богородица; она мать и предводительница корабля; во время богослуженія она занимаетъ первое мѣсто; ея вліяніе на сектантовъ не отразимо.—У кормщика и богородицы есть помощники, носящіе названіе ангеловъ, апостоловъ, пророковъ и т. п. Молитвенныя собранія скопцовъ происходятъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, обыкновенно искусно скрытыхъ.—Помѣщенія раздѣляются на двѣ половины и мужскую и женскую.—Почти вездѣ есть портреты искупителя (Селиванова), встрѣчаются портреты Акулины Ивановны, Шилова, картины религіознаго содержанія.—Въ не-

редпемъ углу бываютъ иконы Пресв. Богородицы, Св. Троицы и нѣкоторыхъ православныхъ святыхъ, которые, по мнѣнію сектантовъ, были скопцами.—Богослужебныя собранія скопцовъ бываютъ въ дни православныхъ праздниковъ, но не въ самый день праздника, а наканунѣ его ночью. Во время такихъ собраній молящіеся надѣваютъ длинныя бѣлыя рубахи, снимаютъ обувь, въ правую руку берутъ зажженную свѣчу, въ лѣвую—бѣлый платокъ.—Богослуженіе или, какъ называютъ его сектанты, радѣніе состоитъ изъ кружеиій, пророчествъ и пѣнія духовныхъ пѣсенъ.--Кружеиіе и бѣганье и есть собственно радѣніе въ тѣсномъ смыслѣ слова; оно бываетъ одиночное, группами и общее въ разныхъ видахъ и формахъ.—Эти необыкновенно быстрыя движенія производятъ у радѣющихъ сильное психическое возбужденіе, доходящее до умоизступленія.—Возбужденіе и разрѣшается пророчествами, которыя сектанты считаютъ выраженіемъ наитія Духа Святаго и потому принимаютъ ихъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, подчиняютъ имъ свой умъ и волю. Такимъ отношеніемъ къ пророчествамъ искусно пользуются вожаки секты въ своихъ цѣляхъ, выдавая свою преднамѣренную рѣчь за божественное откровеніе. Что касается пѣсенъ, то ихъ пѣніемъ обыкновенно начинается и оканчивается скопческое богослуженіе; напѣвы пѣсенъ разные—веселые и грустные въ зависимости отъ содержанія ихъ. По вѣрѣ сектантовъ, пѣсни эти «уложены Духомъ Святымъ чрезъ уста пророковъ», поэтому они питаютъ къ нимъ глубочайшее уваженіе.

Составляя отдѣльное общество съ особымъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ, имѣя свои молитвенные дома, свое богослуженіе, скопцы въ тоже время не прерываютъ видимой связи съ православной церковью, посѣщаютъ храмы, бываютъ у исповѣди и св. причастія. Только какія-либо случайныя обстоятельства помогали къ открытію скопцовъ тамъ, гдѣ мѣстныя власти и не подозрѣвали ихъ существованія.—Такая скрытность стала особенно замѣтна тогда, когда правительство стало принимать противъ скопцовъ строгія мѣры.

Теперь отъ этого очерка общей исторіи скопчества въ Россіи перейдемъ къ изложенію мѣстной его исторіи въ предѣлахъ Владимірской епархіи [1]).

Въ своемъ предисловіи къ данной статьѣ мы отмѣтили, что появленіе скопчества въ предѣлахъ Владимірской епархіи до извѣстной степени стоитъ въ связи съ общей исторіей скопчества, съ судьбой его главныхъ руководителей.— Мы видѣли выше, что во Владимірскую епархію, именно въ Суздальскій Спасскій монастырь, были сосланы самые главные вожаки скопческой секты: въ 1804 г. камергеръ Елецкій и въ 1820 г. Кондратій Селивановъ.—Повидимому, строгое заключеніе въ тѣсной кельѣ монастырской крѣпости, прекращеніе сношеній съ внѣшнимъ міромъ, должно было отнять у заключенныхъ всякую возможность проводить въ жизнь свои идеи, на что конечно разсчитывало и правительство, заключая въ монастырь Елецкаго и Селиванова. Но дѣйствительность не вполнѣ оправдала ожиданія: и запертые въ кельѣ руководители скопцовъ продолжали вліять на своихъ послѣдователей и находили средства вербовать себѣ новыхъ. Такимъ путемъ появляется скопчество въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской епархіи и въ частности въ гор. Суздалѣ вскорѣ послѣ ссылки сюда Елецкаго и подъ его вліяніемъ.

Но Суздальскіе узники не единственный источникъ скопчества для Владимірской епархіи.—Еще ранѣе появленія Елецкаго скопчество возникло въ другомъ углу епархіи, именно въ селѣ Нушполѣ, Александровскаго уѣзда, подъ вліяніемъ, какъ показало разслѣдованіе, подмосковныхъ скопцовъ. Обнаружены были эти скопцы еще въ 1804 году, но почему-то

1) Здѣсь нами изложенъ самый краткій очеркъ скопчества въ Россіи, насколько это необходимо для пониманія мѣстной его исторіи. Очеркъ этотъ составленъ на основаніи слѣдующихъ пособій: 1) „Матеріали для исторіи хлыстовской и скопческой ересей, собранные П. И. Мельниковымъ" (Чтенія въ Имп. Историческомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. университетѣ—1872 г. кн. I—IV); 2) „Изслѣдованіе о скопческой ереси"—1845 г. изданіе Министерства Внутр. Дѣлъ; 3) „Секты хлыстовъ и скопцовъ"—К. Кутепова.

дѣло о нихъ не сохранилось въ канцеляріи Владимірскаго губернатора; нѣтъ его, очевидно, и въ архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ о немъ не упоминается въ матеріалахъ для исторіи скопческой секты, собранныхъ Мельниковымъ и напечатанныхъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ за 1873 годъ. Поэтому объ этомъ дѣлѣ не упомянуто и въ изслѣдованіяхъ о скопчествѣ Надеждина (1845 г.) и Кутепова. Случайно дѣло открыто нами въ архивѣ Владимірской Духовной Консисторіи [1]). Между тѣмъ оно имѣетъ большой интересъ не только мѣстный, но и общій и такъ какъ скопческое движеніе, которое здѣсь раскрывается, началось раньше появленія даже Еленскаго въ нашей епархіи, то мы и познакомимъ съ нимъ читателей прежде.

24 марта 1804 года епископомъ Владимірскимъ Ксенофонтомъ получено было отъ причта села Нушполы донесеніе, что въ ихъ селѣ крестьянинъ Ефимъ Кузьминъ завелъ особую секту, въ которую увлекъ не мало молодыхъ людей съ ихъ женами, а нѣкоторыхъ даже съ цѣлыми семьями; всѣ они по ночамъ тайно сходятся въ домѣ Ефима Кузьмина, при входѣ обыкновенно кланяются ему въ ноги и говорятъ: «пріими душу мою грѣшную и наставь на путь истины».—Тогда Ефимъ говоритъ поученіе, велитъ воздерживаться отъ мяса, а всякую «тучную» пищу употреблять не наблюдая времени; говоритъ, что тѣла по смерти не истлѣютъ; христіанское супружество велитъ почитать сатанинскимъ. Благодаря такимъ увѣщаніямъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ супружескій союзъ прерывается и нѣкоторыя жены приходили съ жалобой на то къ приходскому священнику... Христіанское богослуженіе Ефимъ хулитъ, св. кадило называетъ уздами звенящими. Хотя онъ и ученики его ходятъ въ Православную церковь, но только для виду: стоятъ за богослуженіемъ и дремлютъ, проповѣдей, изданныхъ Св. Синодомъ, слушать не хотятъ.—Во время чтенія Евангелія

[1]) Дѣло (секретное) о скопцахъ Александровской округи села Нушполы на 163 листахъ № 19 (началось 24 марта 1804 г. и окончено 23 Февраля 1815 г.).

діакономъ Ефимъ отворачивается къ стѣнѣ, а послѣ насмѣхается надъ діакономъ.—Въ виду такого подозрительнаго и вызывающаго поведенія Ефима и его учениковъ приходскій священникъ не допустилъ ихъ до Св. Причастія; тогда они устроили въ церкви скандалъ, подняли страшный шумъ, стараясь бранью и угрозами заставить священника отказаться отъ своего намѣренія.—Къ этому донесенію причтъ приложилъ и списокъ совратившихся, въ немъ отмѣчено 20 мужчинъ съ ихъ женами и частію съ другими членами семьи и 5 мужчинъ отдѣльно.

Такъ охарактеризовалъ въ своемъ донесеніи новоявленныхъ сектантовъ мѣстный причтъ. Характеристика не совсѣмъ обстоятельная, но она конечно и не могла быть полнѣе, потому что причтъ не могъ проникнуть на собраніе сектантовъ, подробнѣе видѣть ихъ богослуженіе и лучше узнать ихъ ученіе.—Но на основаніи и этого донесенія мы можемъ видѣть здѣсь нѣчто въ родѣ хлыстовскаго корабля особенно по взгляду на супружество: дальнѣйшее же разслѣдованіе показало, что въ Нушполѣ было уже болѣе, чѣмъ чистое хлыстовство.

Консисторіей, въ которую было передано донесеніе Нушпольскаго причта, на основаніи указа Св. Синода отъ 1801 г., предписано было мѣстному благочинному кроткими мѣрами вразумить заблуждающагося Ефима Кузьмина и, если онъ послушаетъ увѣщаній, принесетъ раскаяніе, то разрѣшить ему исповѣдь и Св. Причастіе у такого священника, у котораго пожелаетъ. Благочиннымъ порученіе Консисторіи было исполнено и дало результаты благопріятные: Ефимъ Кузьминъ и его послѣдователи въ Великую субботу были пріобщены Св. Таинъ въ своей приходской церкви въ присутствіи о. благочиннаго. При этомъ Ефимъ Кузьминъ далъ подписку, что онъ впредь у себя въ домѣ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не будетъ устраивать молитвенныхъ собраній и производить «толковъ, противныхъ Богу и церкви».

Одновременно съ предписаніемъ благочинному Консисторія о начавшемся броженіи умовъ въ Шушолѣ довела до свѣдѣнія Владимірскаго губернатора. Послѣдній распорядился произвести разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ чрезъ Александровскаго исправника. Ефима Кузьмина представить къ нему во Владиміръ, а за его учениками учредить полицейскій надзоръ. — Кузьминъ былъ лично представленъ губернатору и епископу Ксенофонту. Губернаторъ нашелъ, что этотъ сектантъ «отъ одной простоты и малодушія не постигая Св. Писанія, входитъ и другихъ вводитъ въ развратные толки безъ умысла злого или коварства, свойственнаго закоснѣлымъ въ ересяхъ».—Предъ архіереемъ Кузьминъ принесъ раскаяніе въ своемъ заблужденіи и далъ обѣщаніе впредь ходить въ церковь Божію и твердо слѣдовать ея ученію.—Отобранныя у него книги оказались православными.—Поэтому Кузьминъ отпущенъ домой и приходскому священнику только было поручено слѣдить за его поведеніемъ и принимать пастырскія мѣры къ вразумленію заблуждающихся.—Въ пользу Кузьмина оказалась и полученная въ это время справка отъ настоятеля Соловецкаго монастыря, гдѣ бывалъ Кузьминъ: настоятель сообщалъ, что за время пребыванія Ефима въ монастырѣ ничего подозрительнаго въ его поведеніи не было замѣчено; это былъ обыкновенный богомолецъ и трудникъ.

Такъ закончился первый эпизодъ этого сложнаго дѣла. Но вскорѣ обнаружилось, что и губернаторъ и архіерей были жестоко обмануты.

Въ іюнѣ того же 1804 года отъ Шушольскаго причта поступило новое донесеніе преосвященному Ксенофонту, что Ефимъ Кузьминъ и его ученики, хотя и ходятъ къ богослуженію въ церковь, но послѣ вновь собираются только уже не въ домѣ, а въ разныхъ хозяйственныхъ пристройкахъ; на собраніяхъ бываетъ пѣніе и пляска, нѣкоторые изъ сектантовъ куда-то отлучаются на двѣ—три недѣли.

Преосвященный передалъ донесеніе губернатору, который поручилъ вновь произвести дознаніе исправнику.—Во время

слѣдствія открылось, что Ефимъ Кузьминъ и трое его послѣдователей ископлены.—По ихъ показанію, они сами совершили надъ собой операцію ископленія для своего спасенія.—Такимъ образомъ дѣло осложнилось. Ископленные были преданы суду и объ открывшемся фактѣ было доложено Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Съ своей стороны Духовная Консисторія еще разъ подтвердила, чтобы духовенство села Нушполы неослабно слѣдило за заблуждающимися и принимало всякія мѣры вразумленія.—Но причтъ отвѣтилъ на это, что онъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, но безуспѣшно.—Даже послѣ того, какъ Кузьминъ съ товарищами отданы подъ судъ, его послѣдователи не только не перестаютъ, но еще упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ. — Впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени 4 семьи раскаялись и вернулись къ Православной церкви.— Опираясь на этотъ фактъ губернаторъ не счелъ нужнымъ принимать какія-либо строгія мѣры противъ религіознаго движенія въ Нушполѣ, а поручилъ только исправнику строго слѣдить за тѣмъ, чтобы сектанты не устраивали сборищъ.

26 сентября 1804 года получено было Высочайшее повелѣніе сослать преданныхъ суду скопцовъ навсегда въ Соловецкій монастырь, но одинъ изъ нихъ померъ отъ послѣдствій операціи и сосланы были только трое.

Но и эта строгая мѣра не остановила движенія въ селѣ Нушполѣ... Въ октябрѣ 1804 года причтъ снова доноситъ Преосвященному, что заблужденіе не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается, что соблазнъ грозитъ всему селу и даже окрестнымъ деревнямъ, что сектанты выбрали новаго наставника крестьянина Родіона Филимонова, устраиваетъ собранія въ домѣ жены сосланнаго Ефима Кузьмина: что они самовольно куда-то отлучаются, грозятъ духовенству, особенно діакону, хвалятся, что не боятся ни суда, ни наказанія.

5 ноября поступила такого же содержанія жалоба губернатору отъ повѣренныхъ крестьянъ села Нушполы, остающихся вѣрными Православной церкви.—Въ виду такихъ серьезныхъ

и опасныхъ размѣровъ движенія. Губернаторъ командировалъ въ Нушполу губернскаго стряпчаго Кунгурова, чтобы на мѣстѣ произвести обстоятельное разслѣдованіе, когда и откуда возникло это сектантское движеніе, сдѣлать заблуждающимся надлежащія наставленія, указавъ напр. на смерть отъ операціи и на строгое наказаніе за оскопленіе (ссылка). Родіона Филимонова предать суду и представить въ губернскій городъ, одного изъ болѣе упорныхъ сектантовъ, по указанію «добрыхъ поселянъ», отдать въ солдаты безъ очереди, произвести, если понадобится, надъ подозрительными лицами медицинское освидѣтельствованіе.—Къ этому слѣдователю былъ прикомандированъ, по предложенію губернатора, депутатъ съ духовной стороны священникъ Мироносицкой города Владиміра церкви о. Николинъ.

Данное слѣдствіе раскрыло много новаго... Священникъ Николинъ доложилъ преосвященному Ксенофонту, что изъ 60 заблуждающихся раскаялись 14 мужчинъ и 4 женщины (въ томъ числѣ и Родіонъ Филимоновъ), остальные же продолжаютъ упорствовать. Раскаявшіеся показали, что главный ихъ учитель, отъ котораго и исходитъ движеніе, отставной солдатъ Александръ Ивановъ изъ деревни Абрамцева близъ Москвы [1]), у него двѣ дочери Окла и Мароа. Къ нему подъ видомъ богомолья направлялъ Ефимъ Кузьминъ своихъ учениковъ. Пришельцамъ устраивалась торжественная встрѣча: Александръ Ивановъ принималъ пришедшихъ съ крестомъ въ одной рукѣ и со свѣчей въ другой и заставлялъ поклясться, что они никому о немъ не скажутъ: затѣмъ онъ поучалъ жить мирно, не пить вина и пива, не ѣсть мяса, не имѣть общенія съ женами. Послѣ этого начиналось моленіе пѣніемъ скопче-

[1]) По дѣлу о скопцахъ, возникшему въ Москвѣ въ 1866 г., былъ открытъ въ числѣ т. н. „мастеровъ" т. е. основателей отставной солдатъ Александръ Ивановъ, проживавшій въ селѣ Черкизовѣ (см. „Матеріалы для исторіи скопческой секты" Мельникова въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ 1872 г. кн. III, стр. 221 и 224). Надо полагать, что это то самое лицо, на которое указывали Нушпольскіе сектанты.

ской молитвы: «дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа, дай намъ, Сыне сударь Божій, помилуй сударь насъ! Съ нами Духъ Святый сударь! Помилуй, сударь, насъ! Пресвятая Богородица, упроси, мой свѣтъ, объ насъ свѣть у Сына Своего Бога нашего свѣта! Свѣтъ тобой, сударь, спасетъ души наши многогрѣшныхъ на земли, на сырой, сударь, земли, свѣтъ на матушкѣ, свѣтъ на кормилицѣ» [1]. Затѣмъ пѣли и антифонъ: «Св. Духомъ всяка душа живится»...: во время пѣнія нѣкорые вертѣлись, а другіе сидѣли, имѣя на колѣнахъ бѣлые платки.—Послѣ этого дочь Александра Иванова Окула пророчествовала сначала своему отцу, который стоя въ это время на колѣнахъ молился на нее, затѣмъ другимъ по порядку. Ефимъ Кузьминъ внушалъ своимъ ученикамъ, что Окула святая и вдохновленная Духомъ Святымъ, поэтому и они ей покланялись, но стоя.—Во время же собраній у Ефима Кузьмина пророчествъ не было. Въ заключеніе раскаявшіеся прибавляли, что Александръ Ивановъ и Ефимъ Кузьминъ отъ Православной церкви ихъ не удаляли, а научали чтить духовный санъ.

Такимъ образомъ теперь ясно раскрылось, что развившееся въ Нушполѣ движеніе исходило изъ скопческаго источника; описанное здѣсь радѣніе носитъ на себѣ всѣ признаки скопческихъ радѣній.

Въ дополненіе къ этому командированный стряпчій Кунгуровъ выяснилъ, что въ заблужденіи упорствуютъ больше женщины, чѣмъ мужчины, что среди мужчинъ оскопленныхъ не оказалось. На основаніи произведеннаго слѣдствія губернаторъ распорядился Родіона Филимонова предать суду, одного изъ упорныхъ сектантовъ сдать въ рекруты, въ село *Нушполу отрядить засѣдателя земскаго суда и не старыхъ хорошаго по-*

[1] Почти буквально такая же скопческая пѣснь приведена въ запискѣ о сектахъ, составленной по порученію Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ 1844 г. Вас. И. Далемъ (см. Матеріалы—Мельникова въ Чтеніи Общества исторіи и древностей 1872 г. кн. 3, стр. 172).

ведѣнія солдатъ, съ тѣмъ чтобы они жили въ селѣ и наблюдали, чтобы не было среди сектантовъ незаконныхъ собраній и самовольныхъ изъ села отлучекъ.—Сообщая объ этихъ мѣрахъ преосвященному Ксенофонту, губернаторъ присовокупилъ, что въ Нушполѣ желателенъ священникъ отличной нравственности, который бы кротостью жизни и примѣромъ могъ лучше дѣйствовать на умы своихъ прихожанъ.

Такія энергичныя и экстраординарныя мѣры оказали скорое воздѣйствіе и чрезъ мѣсяцъ—4 января 1805 года—губернаторъ сообщаетъ архіерею, что изъ заблуждающихся возвратились къ Православной церкви 19 мужчинъ и 13 женщинъ и что они теперь требуютъ особеннаго попеченія со стороны своихъ пастырей.—11 января 1805 года благочинный донесъ архіерею, что всѣ заблуждающіеся принесли искреннее раскаяніе.—Но Консисторія все-таки рѣшила перевести въ Нушполу другаго священника: выборъ ея палъ на священника погоста Никольскаго, что на Дубнѣ, Петра Яковлева. Послѣднему не хотѣлось переходить въ зараженный сектантствомъ приходъ и онъ согласился на это только по особенному настоянію епископа Ксенофонта. Новому священнику данъ былъ въ руководство особый указъ, въ которомъ разъяснялось положеніе дѣлъ въ Нушполѣ.

10 февраля 1805 года благочинный доносилъ Преосвященному, что по его личнымъ наблюденіямъ среди бывшихъ сектантовъ ничего предосудительнаго не замѣтно, а «все состоитъ добре». Но въ маѣ того же года вновь назначенный священникъ докладываетъ архіерею, что «въ нѣкоторыхъ скопческой секты слѣды кроются, а паче въ женахъ ихъ: первое, отъ мяса воздерживаются, второе, въ дѣторожденіи находятся подъ сумнѣніемъ да и впредь безъ надежды въ ономъ остаются».—Это наблюденіе священника сообщено было губернатору, который распорядился произвести освидѣтельствованіе женщинъ чрезъ врача.

Въ сентябрѣ того же года Александровскій исправникъ доносилъ губернатору, что бывшіе сектанты вообще ведутъ себя хорошо, собраній не устраиваютъ, упорствуетъ только жена сосланнаго Ефима Кузьмина, которую для успокоенія умовъ слѣдовало бы удалить изъ общества. Но мѣстный причтъ держался иного мнѣнія и въ ноябрѣ доносилъ архіерею, что нѣкоторые еще упорствуютъ въ ереси и устраиваютъ тайно собранія, что поэтому полезны были-бы и строгія мѣры.—Такія строгія мѣры вскорѣ и были приняты: въ декабрѣ получено Высочайшее повелѣніе заключить крестьянокъ Кузьмину и Онуфріеву, какъ болѣе упорныхъ и вредныхъ, въ Суздальскій Покровскій женскій монастырь.

Но и эта новая строгая мѣра не прекратила возбужденія умовъ: въ ночь съ 18 на 19 августа 1806 года причтъ села Нушполы съ понятыми открыли въ домѣ крестьянина Андрея Акинфова собраніе сектантовъ, на которомъ присутствовало 6 семействъ изъ раскаявшихся.—Когда объ этомъ было доложено губернатору, онъ сначала обѣщалъ лично побывать въ Нушполѣ во время обозрѣнія губерніи, но сдѣлать этого ему не удалось и туда былъ командированъ полицейскій чиновникъ Томазовъ, чтобы тамъ пожить и подробно разузнать все.—Каковы были результаты этого разслѣдованія, къ сожалѣнію, въ дѣлѣ о томъ никакихъ документовъ не имѣется.

Прошло полтора года и въ апрѣлѣ 1808 года причтъ снова доноситъ Преосвященному, что заблужденіе въ Нушполѣ не исчезло, что въ послѣднее время нѣкоторые вновь стали уходить туда, гдѣ прежде научились суевѣрію, что особенно упорствуютъ и соблазняютъ другихъ двѣ крестьянки Прасковья Михайлова и Дарья Филимонова. Когда объ этомъ было доложено губернатору, онъ поручилъ разслѣдованіе исправнику. Исправникъ нашелъ, что скопчества въ Нушполѣ нѣтъ, а есть только суевѣріе, требующее наставленій и увѣщаній со стороны пастырей церкви, что дѣло раздуваетъ мѣстный діаконъ, чело-

вѣкъ не трезвый и любящій доносы.—Что касается самовольныхъ отлучекъ, то онѣ были строго воспрещены.

Такимъ образомъ возникло дѣло о діаконѣ. Постановлено было вызвать его для объясненій въ Консисторію, но онъ отказался явиться до окончанія уборки хлѣба. По тщательномъ разслѣдованіи о діаконѣ всѣ дали благопріятный отзывъ, посему его не удалили изъ прихода, а только обязали подпиской «вести себя честно».

Въ маѣ 1810 года сосланныя въ Суздальскій Покровскій монастырь Нушпольскія крестьянки были возвращены на мѣсто своего жительства. Это возвращеніе говоритъ уже о томъ, что опасное движеніе въ Нушполѣ затихло.—Но въ апрѣлѣ 1811 г. священникъ села Нушполы донесъ благочинному, что крестьянинъ его прихода Даніилъ Харитоновъ, бывшій прежде въ числѣ заблуждающихся, оказался осколенным. — Мѣстный исправникъ, на запросъ объ этомъ фактѣ губернатора, объяснилъ, что Харитоновъ, хотя и давно былъ зараженъ ересью, но велъ себя такъ, какъ и православные, не навлекая на себя никакого подозрѣнія, онъ самъ оскоплъ себя.—Чрезъ нѣсколько времени священникъ представилъ по требованію Консисторіи списокъ лицъ, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ сектантствѣ: въ этотъ списокъ внесено было 6 мужчинъ и 16 женщинъ.

Въ 1813 году священникъ вновь доноситъ, что заблужденіе въ его приходѣ все еще не прекращается особенно благодаря тому, что наиболѣе подозрительныя три семьи построили свои дома на самомъ концѣ села и какъ-бы ушли изъ-подъ надзора. Но исправникъ въ своемъ докладѣ губернатору утверждалъ, что въ Нушполѣ все спокойно, хотя въ тоже время распорядился двѣ семьи переселить на прежнее мѣсто на средину села.—Что въ Нушполѣ все спокойно, это подтвердилъ депутатъ съ духовной стороны священникъ села Кучекъ.—Послѣ этого дѣло въ Консисторіи было прекращено.

Впрочемъ, въ 1817 году Консисторія еще разъ потребовала отъ священника села Нушполы свѣдѣній о положеніи

дѣла. Священникъ донесъ, что съ 1815 г. (когда онъ поступилъ на этотъ приходъ) онъ ничего противнаго св. церкви среди своихъ прихожанъ не замѣтилъ, что изъ числа значившихся въ прежнихъ реэстрахъ—Андрей Акинфовъ и Иванъ Моисеевъ съ семьями выбыли изъ села въ Московскую губернію, Даніилъ Харитоновъ сосланъ въ Сибирь, а за нимъ ушла и жена его, прочіе же ведутъ себя хорошо.

Такъ закончилось это религіозное движеніе въ селѣ Нушполѣ. Энергичныя мѣры свѣтской и духовной власти, ссылка вожаковъ движенія и добровольное выселеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ— все это способствовало окончательному исчезновенію заблужденія, о которомъ, вѣроятно, едвали кто и помнитъ теперь въ Нушполѣ.

Нѣкоторый отголосокъ этого дѣла мы встрѣчаемъ въ 1845 году.—Въ Московской уголовной палатѣ производилось въ это время дѣло о мѣщанинѣ Павлѣ Здобниковѣ, *оскоплен-ном*, по его показанію, *въ 1803 году въ селѣ Нушполь* крестьяниномъ Родіономъ Филипповымъ. Московскій губернаторъ обратился къ Владимірскому за справками объ этомъ оскопителѣ, но въ архивѣ Владимірской уголовной палаты никакого дѣла объ этомъ скопцѣ не оказалось [1]).

Теперь перейдемъ къ скопчеству, возникшему въ епархіи подъ вліяніемъ Суздальскихъ узниковъ.

Еленскій, какъ мы видѣли выше, высланъ былъ изъ Петербурга и отправленъ въ Суздаль тотчасъ послѣ того, какъ осмѣлился подать товарищу-Министру Юстиціи Новосильцеву, лицу близкому къ Императору Александру Первому, проектъ переустройства русскаго государства и апологію скопческой секты, какъ истинной, по его мнѣнію, выразительницы Хри-

---

[1]) Дѣло (секретное) канцеляріи Владимірскаго губернатора 1845 г. № 31. Можно думать, что въ запросѣ Московскаго губернатора допущена описка—Родіонъ Филипповъ вмѣсто Филимоновъ: Родіона Филиппова нѣтъ и въ разныхъ реэстрахъ Нушпольскихъ сектантовъ, тогда какъ Родіонъ Филимоновъ, какъ мы видѣли выше, былъ нѣкоторое время даже наставникомъ секты.

стовой церкви [1]).—Этотъ поступокъ Еленскаго и эти литературные труды его достаточно характеризуютъ его личность и его значеніе въ средѣ сконцовъ.

4 сентября 1804 года Еленскій былъ представленъ въ Суздальскій Спасскій монастырь и помѣщенъ, какъ сообщалъ настоятель монастыря архимандритъ Филаретъ, вмѣстѣ съ прочими арестантами.—Тотчасъ же возникъ вопросъ о средствахъ его содержанія въ заключеніи; настоятель обратился за разрѣшеніемъ его къ Владимірскому губернатору, который въ свою очередь запросилъ о томъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.—По Высочайшему повелѣнію на содержаніе Еленскаго въ монастырѣ было ассигновано изъ суммъ кабинета Его Величества по 250 рублей въ годъ.—Въ тоже время Еленскій обратился къ Владимірскому губернатору съ письмомъ, въ коемъ просилъ взять на себя трудъ раздѣлаться съ его долговыми обязательствами, взыскать съ его должниковъ и уплатить его кредиторамъ. Но когда потребовались формальныя доказательства его долговыхъ обязательствъ, Еленскій отказался отъ взысканій и представленный имъ реэстръ его долговыхъ обязательствъ былъ ему возвращенъ [2]).

---

[1]) Проектъ Еленскаго и „Извѣстіе его, на чемъ сконченство утверждается“— напечатаны въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей—1867 г. кн. IV стр. 63—82 (смѣсь).

[2]) См. дѣло (секретное) канцеляріи Владимірскаго губернатора по отношенію г. Министра Юстиціи князя Лопухина о поляхъ Еленскомъ 1804 г. № 50.—Такъ какъ письмо Еленскаго къ губернатору весьма своеобразно, то мы и приводимъ его здѣсь въ подлинникѣ: „жена Евангеличная прикоснулась ризѣ Господней и исцѣлѣла отъ язвы своей, подобие прикасаяся нѣжнаго сердца Вашего Сіятельства, *желая получить облегченіе судьбы моей въ нижеслѣдующемъ*. -1) По случаю странной жизни моей, отъ щедротъ монаршихъ бывъ помѣщенъ въ Невской Лаврѣ съ 1802 г. генваря 2 дня на всемъ содержаніи Лавры; еще ради сиротства моего изъ кабинета наличными деньгами 250 руб. на всякой годъ получалъ, но какъ судьба недовѣдомая препроводила меня подъ руководство Вашего Сіятельства такъ сокруженнѣйше молю и на семъ мѣстѣ пристойное содержаніе назначить, дабы достигши крайней нищеты не возропталъ на небо и самого себя не возненавидѣть. 2) Собственной моей суммы въ долгахъ оставшейся въ С.-Петербургѣ регистръ на десницу Вашего Сіятельства препровождаю, а о взысканіи оной повергаюсь на дальновидность Вашу, всенижайше прошу поревнуйте слову Господню по реченному: „аще бища вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы“ *и такъ хотя есмь плотію заключенъ, но свободенъ духомъ*“...

Въ монастырѣ Еленскій жилъ до 1813 года: въ мартѣ же этого года онъ скончался.—Насколько строго онъ содержался въ заключеніи, имѣлъ-ли возможность сноситься съ посторонними, прямыхъ свѣдѣній о томъ не имѣется, но изъ нѣкоторыхъ дѣлъ о скопцахъ послѣдующаго времени видно, что заключенный имѣлъ знакомство и вліяніе на постороннихъ, увлекая ихъ въ свою секту.

Такою знакомою по крайней мѣрѣ оказалась монахиня Суздальскаго Покровскаго женскаго монастыря Паисія.—Какъ видно изъ дѣла о скопцахъ, возникшаго въ 1824 году [1]), она созналась на допросѣ, что была знакома съ Еленскимъ, который лечилъ у нея руку: знакомство это подтвердилось и найденными во время слѣдствія у Паисіи письмами. Надо думать, что подъ вліяніемъ этого фанатика Паисія примкнула къ скопчеству [2]). При дознаніи въ 1824 году она созналась было въ томъ, что принадлежитъ къ скопческой сектѣ, но потомъ отказалась отъ своего признанія.—Но и помимо этого признанія принадлежность ея къ скопчеству въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія подтверждается тѣмъ, что въ средѣ скопцовъ она считалась приближенной къ К. Селиванову, когда онъ былъ въ Суздалѣ, ея имя было извѣстно въ Иркутскѣ, въ Тамбовѣ, Воронежѣ и Москвѣ.

Когда соблазнилась Паисія, съ точностію не извѣстно, но можно думать, что вскорѣ послѣ появленія Еленскаго въ Суздалѣ.—Но крайней мѣрѣ, въ 1812 году доложено было во Владимірской духовной Консисторіи настоятельницей Покровскаго монастыря Измарагдой, что въ кельѣ монахини Паисіи по ночамъ въ разное время бываютъ собранія живущихъ въ

[1]) Дѣло (*секретное*) *канцеляріи Владимірскаго губернатора по отношенію* Иркутскаго губернатора о крестьянинѣ Ив. Козловѣ—1824 г. № 50. О томъ же см. Матеріалы Мельникова въ Чтеніяхъ Общества исторіи 1872 г кн. 3 стр. 216—218 (**смѣсь**).

[2]) Можетъ быть, кромѣ вліянія Еленскаго возникновенію сектантскаго кружка въ Покровскомъ монастырѣ способствовала и ссылка въ этотъ монастырь наиболѣе фанатичныхъ и упорныхъ сектантовъ изъ Шлиссельбурга, Александровск. уѣзда.

монастырѣ дѣвицъ, слышно какое-то пѣніе и стукъ; къ ней нерѣдко приходятъ мужчины разнаго званія подъ видомъ родственниковъ.—Участницами въ этихъ собраніяхъ были: монахиня Назарета, дѣвицы Матрена и Ирина Биркины, Устинья Михайлова изъ села Загорья, Настасья Андреева, дочь дьячка села Веретева Ковровскаго уѣзда, Ирина Никитина изъ села Романова, Аграфена Андреева изъ дер. Ряхова Ковровскаго уѣзда, Марья Андреева, дочь діакона изъ села Коровниковъ, Екатерина Васильева изъ села Гавриловскаго, Настасья Антонова изъ села Сельца, Наталья и Марья Михайловы изъ села Небылого, Варвара, Авдотья и Агафья изъ села Закомелья.—По распоряженію епископа Ксенофонта монахиня Паисія была переведена подъ надзоръ въ Переславскій Ѳеодоровскій монастырь, монахиня Назарета—въ Александровскій Успенскій монастырь, а остальныя дѣвицы были только высланы изъ Покровскаго монастыря.

Слѣдствіе только этимъ и закончилось; мы не нашли обстоятельнаго разслѣдованія, что это были за собранія, какой секты придерживались собиравшіеся [1]). И только изъ послѣдующихъ

---

[1]) Въ такомъ краткомъ извлеченіи дѣло доложено было въ 1824 году, когда Паисія вновь оказалась замѣшанной въ скопчествѣ; въ такомъ видѣ оно и вошло въ изслѣдованія о скопчествѣ—Мельникова и другихъ. Но въ архивѣ Владимірской духовной Консисторіи сохранилось подлинное дѣло отъ 1812 г. за № 35271 подъ заглавіемъ „дѣло о высылкѣ изъ монастырей за чиненіе ночныхъ собраній послушницъ изъ Владимірскаго Успенскаго женскаго монастыря 12, изъ Суздальскаго Покровскаго 11 и о переведеніи за сіи поступки изъ сихъ монастырей монахинь: Паисіи въ Переславскій, Назареты въ Александровскій и Нектаріи въ Муромскій монастыри подъ особый надзоръ настоятельницъ“. Хотя и это дѣло не разъясняетъ характера ночныхъ собраній, но за то даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о судьбѣ Паисіи.—Дѣло началось донесеніемъ казначеи Владимірскаго Успенскаго монастыря Изумарды, что въ монастырѣ бываютъ по вечерамъ необыкновенныя собранія послушницъ въ ближайшей отъ нея кельѣ, при чемъ слышно было пѣніе и стукъ... Епископъ Ксенофонтъ поручилъ произвести дознаніе префекту Семинаріи и эконому архіерейскаго дома. Дознаніе подтвердило фактъ сборищъ и пѣнія, но послушницы объяснили, что онѣ, какъ крылошанки, дома поютъ духовные псальмы и ирмосы, а стукъ происходитъ отъ катанья бѣлья; но дознаніе обнаружило еще, что къ нимъ пріѣзжали какіе-то купцы изъ Москвы.—Получивъ та-

дѣлъ о скопцахъ, возникшихъ въ двадцатыхъ годахъ, выяснилось, что эти собранія нужно считать за скопческія радѣнія, что въ Покровскомъ монастырѣ сформировалось нѣчто въ родѣ скопческаго корабля. Такой взглядъ долженъ былъ установиться потому, что монахиня Паисія и сестры Биркины оказались весьма популярными среди скопцовъ. Положимъ, сами онѣ отрицали свою принадлежность къ скопческой сектѣ и прямыхъ уликъ на себѣ (т. е. оскопленія) не поспли, но косвенныхъ уликъ, какъ мы увидимъ ниже, оказалось весьма много.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ Еленскаго скопчество свило себѣ гнѣздо въ Суздалѣ и только своевременныя мѣры разсѣяли сформировавшуюся было общину. Распространилось-ли въ то время скопчество за предѣлы Суздаля, свѣдѣній о томъ почти нѣтъ. Есть только косвенныя указанія изъ дѣлъ двадцатыхъ годовъ. Тогда открытъ былъ въ Закомельѣ скопецъ Иванъ Ивановъ, который показалъ, что оскопленъ былъ сво-

---

кое донесеніе Преосвященный Ксенофонтъ распорядился: принимая во вниманіе, что и по другимъ округамъ епархіи подобныя ночныя собранія открываются, 1) выслать изъ Успенскаго монастыря 12 подозрительныхъ послушницъ, 2) размѣстить всѣхъ послушницъ по келліямъ монахинь и не дозволять отлучекъ безъ вѣдома игуменьи ни на малѣйшее время, 3) мужчинъ въ кельи не допускать и врата монастырскія имѣть затворенными кромѣ времень благословныхъ и 4) истребовать отъ настоятельницъ другихъ женскихъ монастырей епархіи, не бываетъ-ли и у нихъ подобныхъ сборищъ.. Въ отвѣтъ на послѣднее распоряженіе Преосвященнаго игуменья Покровскаго монастыря Изумарагда и донесла 26 іюня 1812 г. о сборищахъ въ кельѣ монахини Паисіи и представила списокъ участницъ. Но еще ранѣе этого—27 марта игуменья докладывала Преосвященному, что Паисія „ведетъ жизнь, мало званію своему соотвѣтственную», а Преосвященный 10 іюля приказалъ перевести ее въ Переславскій монастырь. значитъ раньше доклада о ночныхъ сборищахъ.—Пока Паисія была въ Переславскомъ монастырѣ, игуменья должна была трижды въ годъ репортовать архіерею о ея поведеніи; во всѣхъ этихъ репортахъ данъ о Паисіи благопріятный отзывъ, что она ведетъ себя безукоризненно. Въ 1817 г. Паисія подала прошеніе на Высочайшее имя, въ коемъ между прочимъ написано: „съ 7 лѣтъ рѣшилась я добровольно идти въ Покровскій монастырь, въ коемъ съ самаго начала упражнялась въ крылосномъ пѣніи, еще до восприятія монашества жизнь и поведеніе старалась до и нынѣ пещусь соотвѣтственно сопровождать поспмому моему званію, изъ границъ благопристойности никогда. яко посвятившая себя навсегда Богу, не выходила, штрафована отъ начальства не была да и подъ судомъ не находилась до 1812 г.; въ семъ году по неизвѣстнымъ

имъ отцомъ лѣтъ за 10 до 1824 года.—Этотъ скопецъ оказался троюроднымъ братомъ монахини Паисіи и, по собственному признанію, часто бывалъ у нея въ монастырѣ.—Такимъ образомъ оскопленіе этой семьи можно приписать косвенно вліянію Еленскаго.—Были-ли еще скопцы вокругъ Суздаля, свѣдѣній о томъ не имѣется.

Третій моментъ въ исторіи скопчества во Владимірской епархіи начинается съ 1820 года, съ поселеніемъ въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ Кондратія Селиванова. Хотя его арестъ въ С.-Петербургѣ и отправленіе въ Суздаль произведены были съ чрезвычайными предосторожностями и въ величайшемъ секретѣ, но это событіе не укрылось отъ скопцовъ. Купцы Солодовниковъ и Кузнецовъ тотчасъ отправились по Московской дорогѣ, нагнали его на станціи Тосна и успѣли разузнать, что ихъ учителя и искупителя отправляютъ въ Суздаль.[1]

---

[1] мнѣ обстоятельствамъ или скрытой неблагонамѣренности означеннаго монастыря покойная игуменья Измарагда представила на меня епископу Ксенофонту, якобы я находилась у нея въ послушности, почему духовная Консисторія не отобравъ отъ меня на сей донось должнаго оправданія и не сдѣлавъ по законамъ изслѣдованія" удалили меня въ Переславскій монастырь подъ надзоръ настоятельницы. Игуменья тотчасъ же выслала меня изъ монастыря и „я не имѣя способа къ огражденію благосостоянія моей невинности рѣшилась передать сей вымышленный донось на судъ провидѣнію и безъ всякаго упорства не входя въ судебный процесъ уклонилась".—Далѣе Паисія пишетъ, что узнавъ теперь о смерти игуменьи Измарагды, она питаетъ надежду и проситъ, чтобы ее возвратили въ Покровскій монастырь, гдѣ у ней осталась и собственная келья.—15 января 1818 г. духовная Консисторія постановила: такъ какъ Паисія переведена по резолюціи Преосвященнаго Ксенофонта, то не входя въ обсужденія ея прошенія представить его Преосвященному; 24 апрѣля епископъ Ксенофонтъ положилъ резолюцію: „доложить о семъ въ слѣдующемъ году". Въ 1819 году Паисія подала прошеніе о переводѣ въ Покровскій монастырь епископу Ксенофонту; Преосвященный согласился... Но вышло недоразумѣніе съ ея кельею. Оказалось, что ея келью продали—по указу Консисторіи—послушницѣ Шевелкиной за 600 руб. въ 1814 г.; новая хозяйка употребила на ремонтъ ея 900 руб. Кромѣ того, и келья оказалась не собственностью Паисіи, а устроена купцомъ Л. Баранинымъ для своихъ дочерей, кои и жила въ ней съ Паисіей... Въ 1820 г. Паисія все-таки была принята въ Покровскій монастырь въ другую свободную келью.

Настоятелю Спасскаго монастыря дана была особая инструкція относительно такого важнаго арестанта.—Этой инструкціей предписывалось дать ему удобное помѣщеніе и устроить покойную жизнь, наблюдать за его душевнымъ состояніемъ и чрезъ особаго опытнаго духовника располагать его къ искреннему раскаянію въ своихъ заблужденіяхъ, а главное предотвратить всякую возможность какихъ-бы то ни было сношеній его съ своими послѣдователями, не только не допускать къ нему никого, но и не принимать и не передавать никакихъ писемъ, посылокъ и подаяній; о положеніи заключеннаго доносить ежемѣсячно оберъ-прокурору Св. Синода и мѣстному губернатору.

Судя по рапортамъ настоятеля монастыря всѣ предписанныя инструкціей мѣры были приняты и выполнялись съ неуклонною строгостью. Помѣщеніе заключеннаго охранялось особою стражей; кромѣ архимандрита, избраннаго имъ изъ приходскихъ священниковъ, духовника и этой стражи никто не имѣлъ къ нему доступа. Всѣ попытки скопцовъ разузнать о положеніи своего учителя или передать ему пожертвованія своевременно замѣчались и энергичными мѣрами были пресѣкаемы. Что касается душевнаго настроенія заключеннаго, то бесѣдами настоятеля и духовника онъ былъ расположенъ къ исповѣди и въ первомъ же году своего пребыванія въ монастырѣ былъ допущенъ къ принятію Св. Таинъ, которыхъ онъ, по собственному признанію, не принималъ 18 лѣтъ.—Но проникнуть глубже въ душу таинственнаго старца, разузнать, какъ онъ дошелъ до своей идеи скопчества, какъ онъ относится къ взгляду на него скопцовъ, какъ на Искупителя и Императора Петра III, заставить его принести полное раскаяніе въ этихъ коренныхъ своихъ заблужденіяхъ—ничего этого сдѣлать не удалось. Старикъ не открылъ своей души; нерѣдкія же его воспоминанія и сожалѣнія объ оставленныхъ имъ «дѣтушкахъ» наводили настоятеля монастыря на мысль, что въ глубинѣ души онъ оставался тѣмъ же, что и раньше... Обыкновенно

заключенный ничего не дѣлалъ, не читалъ, потому что выдавалъ себя за неграмотнаго; по своей старческой немощи онъ большею частію лежалъ въ постели.—Такъ провелъ Селивановъ въ монастырѣ 12 лѣтъ; 19 февраля 1832 года онъ скончался 112 лѣтъ отъ роду, бывъ передъ смертью исповѣданъ и пріобщенъ Св. Таинъ. Похороненъ былъ вблизи Николаевской церкви въ чертѣ ограды арестантскихъ помѣщеній въ монастырѣ [1]).

Такимъ образомъ, по показаніямъ настоятеля Спасскаго монастыря, Селивановъ всѣ двѣнадцать лѣтъ монастырскаго заключенія провелъ внѣ всякаго общенія съ своими послѣдователями, всѣ попытки проникнуть къ нему или даже разузнать о его положеніи были своевременно и энергично устраняемы.—Но многочисленныя показанія скопцовъ, идущія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, говорятъ, что въ дѣйствительности было не такъ, что если не непосредственно, то чрезъ посредство кого-то установились сообщенія между Селивановымъ и его учениками... Кто же тутъ правъ? Такъ какъ показанія скопцовъ

---

[1]) Инструкція настоятелю Спасскаго монастыря и свѣдѣнія о положеніи Селиванова въ заключеніи см. Историческій Вѣстникъ 1880 г. т. I Майнова «Скопческій ересіархъ К. Селивановъ» стр. 755—782; Мельникова «Матеріалы по исторіи скопчества» въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1872 г. кн. II стр. 57—61 (смѣсь); «Дѣло Владимір. губерн. Правленія по предписанію Министра Внутр. Дѣлъ о содержаніи въ Суздальскомъ Спасскомъ монастырѣ начальника скопецкой секты», начатое 16 іюня 1820 г., на 240 листахъ. Здѣсь содержатся только ежемѣсячные рапорты Суздальскаго городничаго и настоятеля монастыря губернатору о положеніи арестанта.—Извѣстіе о смерти Селиванова находится въ особомъ «Дѣлѣ канцеляріи Владимір. губернатора (секретномъ) по отношенію Суздальскаго архимандрита Парѳенія о томъ, что содержавшійся въ монастырѣ старикъ, начальникъ секты скопцовъ, померъ»—1832 г. № 56.—Здѣсь приложена опись оставшагося послѣ умершаго имущества, которое было не богато, а именно: 1) шубка лисья покрыта левантиномъ, 2) одѣяло бумажное, 3) одѣяло на лисьемъ мѣху, крыто левантиномъ, 4) платочекъ шелковый зеленый, 5) картузъ зеленаго неразрѣзного бархату на ватѣ, 6) чулки нѣмецкіе шерстяные, 7) фуфаечка левантиновая бѣлая, 8) сапоги кожаные на лисьемъ мѣху, 9) гребенка костяная, 10) колпакъ бумажный, 11) рубаха, 12) простыня, 13) утиральникъ, 14) четыре подушки пуховыхъ, 15) ложка деревянная и 16) коверъ шерстяной. Все это имущество было ветхо.

очень настойчивы и опредѣленны, то ихъ нельзя считать не заслуживающими довѣрія. Настоятель монастыря могъ не знать объ этихъ сношеніяхъ и по чистой совѣсти утверждать, что таковыхъ не было. Но вѣдь не онъ одинъ имѣлъ доступъ въ келью заключеннаго... Развѣ не могли скопцы подкупить приставленной къ Селиванову стражи?...

Когда Селивановъ былъ заключенъ въ Спасскій монастырь, естественно, что Суздаль пріобрѣлъ для скопцовъ необыкновенную притягательную силу; многіе устремились сюда, чтобы хоть взглянуть на мѣсто заключенія своего учителя, разузнать что-нибудь о его положеніи, попытаться установить какъ-нибудь съ нимъ сношенія. Первоначально это дѣлалось довольно открыто. Такъ въ августѣ 1820 года явился въ Суздаль Петербургскій купецъ Солодовниковъ, а вслѣдъ за нимъ Михайловъ; заходили они подъ видомъ богомолья въ монастырь, просили позволенія посмотрѣть арестантовъ и роздать имъ милостыню. Но о. архимандриту эти просьбы показались подозрительными, онъ сообщилъ объ этихъ богомольцахъ городничему и ихъ немедленно выпроводили изъ Суздаля. — 2 мая 1822 г. заявился въ монастырь Петербургскій купецъ Ст. Кузнецовъ, старался разузнать о мѣстопребываніи Селиванова и просилъ архимандрита принять денегъ на его содержаніе. Но и эта попытка не удалась.

Эти неудачи не остановили, конечно, скопцовъ и они какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ нашли возможность проникнуть въ келью заключеннаго, установить съ нимъ общеніе.—Какъ и черезъ кого это устроилось, такъ и осталось тайной, но фактъ этихъ сношеній несомнѣнный. Главную роль здѣсь играла монахиня Паисія, снова, какъ мы видѣли, переселившаяся въ Суздальскій Покровскій монастырь въ 1820 году, и сестры Биркины, ея знакомыя, заподозрѣнныя въ сектантствѣ еще въ 1812 году.--Объ этомъ говорятъ многочисленныя показанія скопцовъ въ періодъ 1820—30 гг.

Въ 1822 году сынъ Нижегородскаго скопца Тимофей Семеновъ Базановъ по поводу принужденія его отцомъ своимъ вступить въ скопческую секту, жаловался мѣстному начальству и донесъ, что «Нижегородскіе скопцы ѣздятъ въ Суздаль къ содержащемуся тамъ старцу, отъ котораго принимаютъ ученіе ихъ секты, получаютъ отъ него финифтяные образки, какіе-то пирожки и пряники, употребляемые ими вмѣсто просфоръ. Изъ уваженія же къ мнимой его святости хранится у нихъ его рубаха и волосы» [1]).

Въ 1825 г. крестьянинъ Костромской губерніи Иванъ Андреяновъ въ своей запискѣ, поданной Императору Александру Первому, разсказываетъ между прочимъ слѣдующее: 1824 г. августа 5 дня пріѣхалъ я съ моимъ учителемъ Алексѣемъ Ивановымъ Громовымъ въ гор. Суздаль и остановились въ домѣ двухъ Божіихъ дѣвицъ; онѣ насъ приняли и у нихъ въ домѣ прежде насъ пришедшихъ изъ разныхъ странъ оказалось до десяти скопцовъ и женскаго пола до 13 человѣкъ. Всѣ мы сидѣли въ верхнемъ этажѣ этого дома и разговаривали объ отцѣ Искупителѣ и другихъ предметахъ, до вѣры касающихся, а ввечеру было моленіе. На другой день 6 августа мы были въ монастырѣ Преображенія Господня, гдѣ былъ тогда храмовой праздникъ, и я видѣлъ мѣсто, гдѣ сидитъ отецъ Искупитель ихъ, и потомъ во время вечерняго пѣнія мы вышли за городъ и остановились. Учитель мой и прочіе съ нимъ молились мѣсту Искупителя.--И сидящимъ намъ Суздальская Божья дѣвица по отцу Андреева изъ другого дома говорила намъ, что Искупитель приказалъ сказать намъ, что напрасно мы скоро поторопились выйти вонъ, что все тихо, что Искупитель гнѣвается на тѣхъ, кои насъ скоро выслали и такъ отецъ говоритъ, что не однимъ тѣмъ царство досталося и приказалъ сказать намъ такъ: «я, отецъ, веселъ и только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда на волѣ съ дѣ-

[1]) «Матеріали для исторіи скопчества» Мельникова въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1872 г. кн. II стр. 58 (смѣсь).

тушками, то чтобы дѣтушки не печалились»; ибо она дѣвица Искупителю объ насъ докладывала.—Рѣчи Искупителя пересказываютъ тѣ солдаты, кои ему приносятъ пищу, и они же иногда отъ него выносятъ просфоры и чернаго и бѣлаго хлѣба, остающагося отъ стола его, и отдаютъ въ означенные домы, гдѣ принимаютъ это за великій даръ [1]).

Въ томъ же 1824 году Владимірскому губернатору было доставлено Иркутскимъ губернскимъ Правленіемъ письмо, писанное рядовымъ гарнизоннаго Иркутскаго полка Осипомъ Потаповымъ на имя крестьянина Ивана Поликарпова Козлова, проживающаго въ Гавриловской слободѣ Суздальскаго уѣзда. Письмо это предназначалось собственно Селиванову и содержитъ весьма интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ скопцовъ къ своему учителю и подтверждаетъ фактъ сношеній съ нимъ во время заключенія его въ Суздалѣ; поэтому мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь это письмо почти полностію. «Х. в! х. в! х. в! Благослови, творецъ владыка Саваоовъ, Господь Сынъ Божій, Духъ Святый и Сынъ Божій, искупи душевный Спаситель, писать письмо ни собою, съ искупителемъ батюшкою съ тобою».

Отъ меня грѣшнаго раба Осипа со всѣми твоими любящими дѣтушками, государь батюшка Сынъ Божій, Духъ Святый, не могъ я проминовать, чтобы сейчасъ письмо не написать, благослови, моя глава... Извѣстно тебѣ, мой свѣтъ, объ нашемъ житьѣ въ гор. Иркутскѣ, мы живемъ твои дѣтушки, всегда слезы льемъ, знать мы тебя, мой свѣтъ, никогда не можемъ узрить. Собрались мы, государь батюшка, всѣ изъ разныхъ сторонушекъ, вступили въ твой путь въ Иркутскомъ на твоемъ коврѣ, въ томъ приходѣ у Харлампія мы живемъ. Извѣстно тебѣ, мой свѣтъ, въ притѣсненномъ мѣстѣ, ты объ этомъ государь батюшка извѣстенъ, мы ходимъ какъ по явности безъ пастыря овцы, всегда мы о томъ горько плачемъ и тебя свѣта просимъ, не можешь-ли намъ прислать благосло-

[1]) Тамъ же стр. 59—60.

вить единаго изъ братцевъ Иркутскихъ, который бы могъ нами управлять, а мы можемъ батюшка всегда къ нему, какъ тебѣ колѣнами припадать и ему повиноваться, а насъ теперь находится, батюшка, около Иркутска душекъ до 50; есть прочія новыя земли, но мы не можемъ воспринять этой пошн. Каялся я тебѣ, государь батюшка, что я грѣшный недостойный осмѣлился безъ твоего благословенія послать нѣсколько бѣлыхъ рубашекъ съ согласія всѣхъ братцевъ. Государь батюшка! мы теперь солдатики находимся на службѣ въ Иркутскомъ полку, насъ числомъ душекъ двадцать. Полагаемся мы, который прибылъ братецъ Иванъ Григорьичъ, живетъ онъ съ мужичками, а насъ солдатиковъ не возлюбилъ, за то, батюшка, намъ не хочется оставить твоего сѣмя, чтобы оно лежало въ землѣ. Я желаю, государь батюшка, чтобы оно возрастало, тебѣ плодъ принесло; за то, государь батюшка, Иванушка отчинно меня гонитъ, боится, какъ бы не попасть въ то мѣстечко, гдѣ ты свѣтъ находишься. Я желаю сѣсть по десную твою руку и распинаться на крестѣ. Увѣдомляю тебя, свѣтъ мой, получили мы отъ тебя и отъ лица твоего посланьице, въ которомъ 5 рублей; писали мы въ Иркутскъ на Иванушку и много мы довольны тобою; не забылъ ты насъ грѣшныхъ, и намъ Иванушка не можетъ открыть твои сокровища, чѣмъ можемъ мы жить, радоваться и веселиться и тобою наслаждаться. Сказалъ Иванушка: ой вы солдатики смѣло поступаете, сами себя на страду приводите, не буду я съ вами знаться. И мы, батюшко, покладаемся на тебя свѣта, какъ тебѣ угодно, то съ нами и сотвори. Знаемъ, свѣтъ мой, что ты насъ отъ себя не отвергнешь за наши грѣхи. Писали мы два письмеца, одно послали со вложеніемъ, не получили и писалъ я своей рукой съ согласія братцевъ объ этой же нуждѣ. Не отвергни ты насъ своей милостью, пошли ты намъ отвѣтецъ. Мы ждемъ всегда какъ свѣта утѣшителя Сына Божьяго тебя государя, чтобы ты насъ благословилъ, просили всѣ братцы вкупѣ отъ тебя покровительства. Прости ты мой государь меня грѣшнаго,

что я поступилъ дерзко, сынъ твой Оспиъ, осмѣлился письмо писать; желаю въ твоихъ стопахъ пребывать, ради тебя свою кровь проливать... Еще увѣдомляю, истинные твои спротушки прибыли въ Иркутскъ изъ Молдавіи гор. Яссъ... Кланяемся государынѣ матушкѣ *Пансіи Львовнѣ, заступи за насъ сиротъ, воздай просьбу къ нашему покровителю, государю батюшкѣ;* стою я предъ тобою Оспиъ на колѣнахъ со слезами и со всѣми спротушками Иркутскими, *кланяюсь Матрепѣ Львовнѣ и Ориѣ Львовнѣ*, государю братцу Ивану Поликарповичу; прошу, государь-братецъ, братъ твой Оспиъ *немедленно представить сіе письмецо къ матушкѣ Пансіи*, а тебя, государыня, прошу тебѣ извѣстно куда, а меня грѣшнаго увѣдомить въ обратность... Не можемъ мы быть безъ этого, какъ бы отъ васъ не получить милости и покровительства. Прости, мнѣ государь батюшка родимой, меня грѣшнаго, сына своего маловѣрнаго и заблудшаго, не могу я предъ тобою отвѣтъ отдать; посылаю я 10 рублевиковъ, не оставь государь батюшка нашей просьбы, увѣдомь насъ грѣшныхъ, что мы живемъ сиротушки на чужой сторонѣ, только ты сіяешь предъ нами съ лучами краснаго солнышка... Оспиъ города Суздаля села Павлова» [1]).

Наконецъ, въ 1829 году Тамбовскій и Воронежскій губернаторы сообщали Владимірскому губернатору, что арестованный скопецъ Будылинъ показывалъ при допросѣ, что въ Суздалѣ сношенія съ Селиванновымъ ведутся чрезъ сестеръ Биркиныхъ, отъ которыхъ скопцы получаютъ взятые ими отъ того мнимаго искупителя дары—ржаные и пшеничные сухарики, баранки, писанныя его рукою наставленія, его волосы, воду, которою онъ умывается, платки или покровцы; что у Биркиныхъ въ домѣ живетъ дѣвица Татьяна, ревностная послѣдовательница скопческой секты; а за Спасскимъ монастыремъ—Настасья «ткачиха», такая же сектантка; что въ домахъ скоп-

[1]) См. Дѣло канцеляріи Владимірск. губернатора по отношенію Иркутскаго губернатора о крестьянинѣ Иванѣ Козловѣ—1824 г. № 50.

цовъ есть тайники съ фальшивыми полами и потолками для сокрытія подозрительныхъ людей. Самъ Будилинъ, по его показанію, былъ въ Суздалѣ у Биркиныхъ въ 1826 и 1827 гг. [1]).

Такія опредѣленныя и настойчивыя показанія скопцовъ естественно должны были обратить на себя вниманіе правительства.

По поводу показаній Нижегородскаго скопца Базанова въ 1822 г. отъ настоятеля Спасскаго монастыря потребовали объясненій. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ архимандритъ Парѳеній писалъ между прочимъ слѣдующее: «во время содержанія старика въ здѣшнемъ монастырѣ распространенія имъ ученія не замѣчено... Маленькихъ финифтяныхъ образковъ, какъ при доставленіи его сюда, никакихъ при немъ не находилось, кромѣ имѣющагося на немъ серебрянаго позлащеннаго креста, который и нынѣ у него имѣется, такъ и въ послѣдствіи времени оныхъ, равно пирожковъ и пряниковъ не имѣлось и о передачѣ волосъ никакого подозрѣнія не было. Что же касается до рубахи его, то какъ рубаха его, такъ и прочее платье доставлено мнѣ по реэстру; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и обветшали, но имѣются и нынѣ всѣ на лицо» [2]).

Объясненіе было признано удовлетворительнымъ и о. архимандриту было только подтверждено «принять всевозможныя мѣры предосторожности къ удержанію арестанта отъ распространенія вреднаго заблужденія и отъ сообщенія съ единомысленниками» [3]).

Когда же въ 1824 году передано было изъ Иркутска вышеприведенное письмо Потапова, произведено было уже формальное разслѣдованіе по содержанію этого письма.—Первоначальное дознаніе было произведено уѣзднымъ стряпчимъ Сурковымъ.—Упомянутыя въ письмѣ женщины оказались: из-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. Историческій вѣстникъ 1880 г. т. I стр. 771—72 ст. Майнова «Скопческій ересіархъ К. Селивановъ».

[3]) Тамъ же стр. 772.

вѣстная уже монахиня Покровскаго монастыря Пансія и сестры дѣвицы Биркины. Кромѣ ихъ навлекли на себя подозрѣнія проживающія въ Суздалѣ дѣвицы Аграфена Андреева и Ѳедосья Сергѣева.—Всѣ онѣ были уже заподозрѣны въ сектантствѣ еще въ 1812 году.—При обыскѣ у этихъ лицъ найдены были тщательно сберегаемые сѣдые волосы; выяснилось, что онѣ почитаютъ за праведника заключеннаго въ Спасскомъ монастырѣ—старца, но никто изъ нихъ не сознался въ сношеніяхъ съ этимъ старцемъ.—Кромѣ этихъ женщинъ слѣдователь открылъ новаго скопца въ лицѣ крестьянина села Козлова Суздальскаго уѣзда Ивана Елизарова Коробова.

По полученіи этихъ сообщеній Владимірскій губернаторъ поручилъ произвести спеціальное разслѣдованіе совѣтнику Владимірской палаты гражданскаго суда Иванову.—Этотъ новый слѣдователь хотѣлъ было устроить очную ставку между Селивановымъ и монахиней Пансіей, но эта мѣра была отклонена духовной властью, такъ какъ арестанта приказано было содержать въ величайшемъ секретѣ.

Тѣмъ временемъ коннозаводскій смотритель Гавриловской слободы открылъ еще скопца въ лицѣ крестьянина села Закомелья Ивана Иванова и представилъ его въ земскій судъ. На судѣ Ивановъ показалъ, что онъ уже лѣтъ 10 принадлежитъ къ сектѣ скопцовъ, что операцію оскопленія совершилъ надъ нимъ отецъ его, умершій въ 1824 году, что тоже самое совершено и надъ двоюроднымъ братомъ его крестьяниномъ Иваномъ Елизаровымъ, что онъ знакомъ съ монахиней Пансіей, которая приходится ему троюродной сестрой, и часто бывалъ у ней въ монастырѣ.—Такимъ образомъ всѣ привлеченныя къ дѣлу лица оказались связанными давнимъ знакомствомъ и отчасти родствомъ, составляли очевидно, тѣсный кружекъ.

Разслѣдованіе Иванова подтвердило добытыя ранѣе данныя, не много прибавивъ къ нимъ существенно новаго [1]).

[1]) Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ канцеляріи Владимір. губернатора приложено только краткое извлеченіе изъ слѣдствія Иванова, а подлинникъ отправленъ въ Министерство Внутр. Дѣлъ (см. дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Козловѣ—1824 г. № 50).

По справкѣ въ почтовой экспедиціи оказалось, что изъ Иркутска было получено письмо съ 10 рублями (см. выше письмо Потапова) на имя Ивана Поликарпова Козлова, но за неявкою адресата отправлено назадъ; изъ Иркутска же въ 1823 году было прислано 40 руб. на имя монахини Паисіи; ей же прислано было изъ Симбирска въ 1822 г.—5 руб., въ 1823 г.—15 руб., а въ 1824 г. изъ Москвы полученъ былъ ящикъ въ холстѣ, оцѣненный въ 5 руб.

Въ селѣ Козловѣ произведенъ былъ обыскъ у Коробова, при чемъ найдены 2 просфоры и письма съ разными адресами.—Коробовъ заявилъ, что онъ самъ оскопилъ себя, о чемъ никто изъ его домашнихъ ничего не зналъ, что онъ при всемъ томъ принадлежитъ къ Православной церкви и никого изъ упомянутыхъ въ письмѣ Потапова лицъ не знаетъ.—Тѣмъ же незнаніемъ отозвались и его домашніе.

Монахиня Паисія сначала призналась было въ принадлежности къ скопческой сектѣ, въ знакомствѣ съ Еленскимъ, но потомъ отказалась отъ своего признанія и упорно утверждала, что она никакой секты кромѣ Закона Божія не исповѣдаетъ, а по слухамъ признавала за праведника какого-то старца, содержащагося въ Спасскомъ монастырѣ, коего впрочемъ не видывала и не знаетъ.

Сестры Биркины и другія привлеченныя къ дѣлу женщины упорно отрекались отъ принадлежности къ сектѣ скопцовъ и ничѣмъ не были уличены.—Крестьянина Ивана Поликарпова Козлова не отыскалось и кто онъ былъ такой, не выяснилось.

По медицинскомъ освидѣтельствованіи никого, кромѣ двоихъ вышепомянованныхъ крестьянъ, оскопленныхъ не оказалось.

О всѣхъ добытыхъ слѣдствіемъ результатахъ губернаторъ 16 марта 1825 г. донесъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Такимъ образомъ самого-то важнаго и интереснаго т. е. того, какимъ путемъ скопцы сносились съ Селивановымъ, слѣд-

ствіе и не раскрыло.—Странно, почему къ допросу не была привлечена стража, имѣвшая доступъ къ Селиванову, безъ участія коей едва-ли возможны были сношенія, на что указывалъ въ своей запискѣ Андреяновъ (см. выше)...

По обычному порядку изъ Суздальскаго уѣзднаго суда дѣло поступило во Владимірскую уголовную палату.—Палата признала фактъ существованія скопчества, къ коему несомнѣнно принадлежатъ Коробовъ, Ивановъ и Паисія, остальные же только подозрѣваются, и постановила: Иванова и Коробова сослать въ Иркутскую губернію, Паисію удалить въ другой монастырь подъ крѣпкій надзоръ, о чемъ и представить Епархіальному Начальству, прочихъ отослать въ духовную Консисторію для увѣщанія, а потомъ предоставить надзору духовныхъ отцовъ ихъ и мѣстной полиціи; принять строгія мѣры, чтобы не было никакихъ сношеній съ Селивановымъ; дать знать Московскому Губернатору, что можно, какъ видно изъ письма Паисіи, подозрѣвать скопчество въ Москвѣ на ленточной фабрикѣ [1]).

Это постановленіе палаты до приведенія его въ исполненіе было передано Министру Внутреннихъ Дѣлъ.—Комитетъ Министровъ 23 января 1826 г. постановилъ: скопцовъ Иванова и Коробова отдать въ солдаты, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ сослать въ Сибирь на поселеніе, о прочихъ же въ комитетѣ сужденія не было.—16 февраля того же года это постановленіе было Высочайше утверждено.—Но до приведенія приговора въ исполненіе Иванъ Коробовъ померъ, другой же скопецъ Иванъ Ивановъ по слабости здоровья не былъ принятъ въ солдаты, а потому и сосланъ былъ въ Сибирь.

Монахиня Паисія была переведена въ Муромскій Троицкій монастырь и поселена была сначала въ отдѣльной кельѣ,

---

[1]) Эта мысль палаты оказалась особенно удачна. Когда въ Москвѣ было произведено разслѣдованіе, на ленточной фабрикѣ оказался цѣлый скопческій корабль (6 мужчинъ и 6 женщинъ).

потомъ ей разрѣшено было жить вмѣстѣ съ другими послушницами.—Но и здѣсь подъ строгимъ надзоромъ она вновь навлекла на себя подозрѣніе въ сношеніи съ неблагонадежными лицами: слухи объ этомъ дошли до преосвященнаго Парѳенія, епископа Владимірскаго, который 20 октября 1830 г. предложилъ игуменіи Троицкаго монастыря Аѳанасіи внимательнѣе слѣдить за Паисіей и пригрозить ей строгимъ наказаніемъ, если она не исправится [1]).

16 апрѣля 1840 г. Паисія скончалась, не оставивъ послѣ себя, какъ донесла игуменія Троицкаго монастыря Елизавета, никакого имущества [2]).

Такъ кончила свою многомятежную жизнь эта во всякомъ случаѣ интересная личность, постоянно бывшая подъ сильнымъ подозрѣніемъ и ни разу не уличенная.

По окончаніи уже этого дѣла въ 1829 г. Тамбовскій и Воронежскій губернаторы передавали Владимірскому вышеприведенныя показанія скопца Будылина относительно сношеній скопцовъ съ Селиванovымъ, но по поводу этихъ сообщеній новаго слѣдствія не возбуждалось: губернаторъ сослался на состоявшееся рѣшеніе.

Что же касается сестеръ Биркиныхъ, то имъ еще разъ пришлось подвергнуться обыску и слѣдствію въ 1842 году [3]).

Дѣло началось по поводу тѣхъ же показаній скопца Будылина. Еще въ 1832 г. Тамбовская уголовная палата предписала Моршанскому уѣздному суду произвести подробное разслѣдованіе по поводу оговоровъ Будылина, сдѣланныхъ еще въ 1828—29 годахъ. Но только черезъ 10 лѣтъ въ 1842 г.

---

1) См дѣло архива Владимір. духовной Консисторіи о имѣніи Муромскаго Троицкаго монастыря монахиней Паисіей сношеній съ подозрительными лицами—1830 года № 70805.

2) Дѣло того же архива 1840 г. № 91801.

3) Дѣло канцеляріи Владимір. губернатора по рапорту Суздальской полиціи объ окастратившихся будто бы купеческихъ дочеряхъ М. и Ир. Биркиныхъ 1842 г. № 8 и дѣло по представленію Влад. уголовной палаты о Суздальск. купеческихъ дочеряхъ Биркиныхъ, судившихся за принадлежность къ скопческой сектѣ—1843 г. № 120.

этотъ судъ обратился съ запросомъ къ Суздальскому городовому магистрату.

Городовой магистратъ рѣшилъ было подвергнуть Биркиныхъ медицинскому освидѣтельствованію.—Но городничій счелъ нужнымъ предварительно доложить объ этомъ губернатору.—Губернаторъ приказалъ полиціи остановиться производствомъ дознанія, городовому магистрату ждать его распоряженій, а городничему поручилъ секретно собрать свѣдѣнія объ образѣ жизни Биркиныхъ.—Городничій, исполняя это порученіе, донесъ, что по его наблюденію Биркины скромнаго поведенія и къ Православной церкви усердны. Но тѣмъ временемъ у Биркиныхъ произведенъ уже былъ обыскъ, при чемъ найдены: бѣлый халатъ и бѣлые кальсоны, 2 декосовыя мужскія рубашки обыкновеннаго покроя, но длиннѣе (1 арш. 11 вершк.), 3 шелковыхъ платка и ленточки, 2 бѣлыхъ декосовыхъ полотенца, 2 ломбардныхъ билета на 1520 руб., 80 руб. ассигнаціями, 1 талеръ, *6 цѣлковыхъ Императора Петра III* и 3 цѣлковыхъ Императрицы Елизаветы Петровны и др. серебряныя монеты; въ карманѣ оказался завернутый въ тряпочку желтоватый порошокъ неизвѣстнаго свойства, лоскуточекъ какъ бы сваленный изъ бѣлой шерсти.—Вещи найденныя взяты были полиціей, а изъ денегъ только рубли Императора Петра III. На допросѣ Биркины не сознались въ принадлежности къ скопчеству и отреклись отъ всякаго знакомства съ Будылинымъ; всѣмъ найденнымъ у нихъ вещамъ и письмамъ дали вполнѣ правдоподобное объясненіе.

Получивъ вышеприведенное предписаніе губернатора, полиція возвратила дѣло въ городовой магистратъ, а отобранныя при обыскѣ вещи—Биркинымъ. Въ общемъ присутствіи Суздальскаго городоваго магистрата и уѣзднаго суда было постановлено: Биркины, судя по найденнымъ у нихъ вещамъ (напр. бѣлый халатъ и рубахи, копхъ, какъ оказалось, не носилъ ихъ отецъ, и серебряные рубли Императора Петра III) могутъ быть подозрѣваемы въ сектантствѣ, но въ виду того, что онѣ

въ 1825 г. уже были подъ судомъ, въ настоящее время ихъ отъ суда и слѣдствія освободить, оставивъ только подъ надзоромъ полиціи.

Это постановленіе было препровождено на ревизію во Владимірскую уголовную палату.—Палата нашла дѣйствія магистрата неправильными: вмѣсто производства новаго слѣдствія нужно было ограничиться только выправкою изъ дѣла 1825 г., когда Биркины не были уличены, а оставлены только въ подозрѣніи. И теперь подозрѣніе не подтвердилось. — Поэтому магистрату за его дѣйствія палата постановила сдѣлать замѣчаніе. Постановленіе палаты и подлинное дѣлопроизводство препровождены были губернаторомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.—Комитетъ Министровъ взглянулъ на дѣло строже: подозрѣнія относительно Биркиныхъ онъ призналъ основательнымъ, приказалъ ихъ освидѣтельствовать чрезъ врача, и если онѣ окажутся оскопленными, предать вновь суду.—Когда произведено было освидѣтельствованіе и какіе оно дало результаты, къ сожалѣнію, свѣдѣній о томъ въ архивѣ не оказалось.—Но по частнымъ свѣдѣніямъ Биркины померли въ глубокой старости въ своемъ домѣ, который былъ собственно не въ Суздалѣ, а на краю села Коровниковъ, примыкающаго къ Суздалю; отсюда открывается прекрасный видъ на Спасскій монастырь, гдѣ содержался въ заключеніи скопческій Искупитель.

Во время производившагося слѣдствія по письму Потапова 23 марта 1826 г. явился въ Шую приставъ Ярославской полиціи и предъявилъ городничему распоряженіе Ярославскаго губернатора объ обыскѣ у рядового Шуйской инвалидной команды Семена Иванова. Къ обыску былъ приглашенъ начальникъ инвалидной команды.—При обыскѣ найдены небольшіе нарѣзанные сухари чернаго и бѣлаго хлѣба, 6 просфоръ, 17 баранокъ въ особомъ мѣшечкѣ, сѣдые волосы въ двухъ бумажкахъ... Самъ Ивановъ оказался оскопленнымъ, хотя и женатымъ. На допросѣ Ивановъ показалъ слѣдующее: онъ изъ крестьянъ Костромской губерніи Нерехотскаго уѣзда деревни

Никульской, поступилъ въ 1805 г. въ военную службу, въ 1817 г. за ранами уволенъ въ отставку, а въ 1821 г. поступилъ въ Шуйскую инвалидную команду.—Въ 1811 г. въ Севастополѣ онъ познакомился съ какими-то дѣвицами, называвшимися грузинками, которыя его пьянаго однажды и оскопили за городомъ въ степи, о чемъ онъ никому не сказалъ.—Въ 1815 г. Ивановъ тамъ же въ Севастополѣ познакомился съ другими скопцами; вмѣстѣ съ ними въ 1816 г. былъ подъ судомъ, но оставленъ безъ наказанія. О найденныхъ у него вещахъ показалъ, что онѣ наношены ему разными неизвѣстными скопцами, просфоры же изъ Георгіевскаго монастыря близъ Севастополя; въ домѣ Иванова дважды бывалъ извѣстный скопецъ Алексѣй Ивановъ Громовъ, а Ивановъ шилъ у него въ домѣ въ дер. Васильковѣ одежду.—Жена узнала объ оскопленіи мужа только по приходѣ его изъ службы.—Найденныя при обыскѣ вещи были переданы Ярославскому полицейскому чиновнику.

Послѣ этого Ивановъ былъ преданъ суду, но такъ какъ онъ состоялъ въ военной службѣ, то уголовная палата не постановила о немъ никакого приговора, а передала дѣло о немъ военному начальству. Что сдѣлало съ Ивановымъ послѣднее, остается неизвѣстнымъ.—Что же касается жены его, знавшей, что мужъ ея скопецъ и находится въ тѣсномъ общеніи съ другими скопцами, и не донесшей о томъ начальству, то комитетъ министровъ постановилъ выдержать ее при полиціи одну недѣлю подъ арестомъ и подтвердить, чтобы впредь не осмѣливалась на подобныя противозаконныя дѣйствія подъ опасеніемъ строгаго наказанія по законамъ [1]).

Въ ноябрѣ 1831 года дворовый человѣкъ Суздальскаго исправника Косагова Петръ Ивановъ лично донесъ губерна-

[1]) См. дѣло канцеляріи Владимірскаго губернатора о семнадцати Шуйскихъ мѣщанахъ и крестьянахъ Вязниковскаго уѣзда, судимыхъ за оскопленіе себя и другихъ—1835 г. № 77. —Хотя Ивановъ былъ уличенъ въ скопчествѣ еще въ 1826 г., но приговоръ о немъ состоялся вмѣстѣ съ этими 17 скопцами.

тору, что крестьянинъ села Романова Суздальскаго уѣзда Осипъ Кирилловъ—скопецъ, старается распространять скопческое ученіе и оскопляетъ другихъ, исправникъ же за деньги прикрываетъ его [1]).

Губернаторъ поручилъ губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему и полиціймейстеру произвести дознаніе по этому доносу.—Дознаніе подтвердило его: Кирилловъ оказался оскопленнымъ. Хотя онъ и показывалъ, что это произошло у него отъ болѣзни, но врачъ усмотрѣлъ слѣды операціи.—Оскопленнымъ оказался и сынъ его Лаврентій, записанный въ Петербургскіе мѣщане. Найденныя при обыскѣ записки указывали на принадлежность Кириллова къ сектѣ скопцовъ.—Уголовная палата, куда поступило дѣло, постановила—отдать отца и сына въ солдаты, а въ случаѣ неспособности ихъ къ военной службѣ сослать въ Иркутскую губернію на поселеніе. Губернаторъ все дѣло съ заключеніемъ палаты представилъ въ Правительствующій Сенатъ, присоединивъ свое мнѣніе, что виновныхъ слѣдуетъ отдать въ солдаты въ Кавказскій корпусъ, а въ случаѣ неспособности сослать въ Закавказскія провинціи. Указомъ отъ 13 декабря 1832 г. Правительствующій Сенатъ утвердилъ мнѣніе губернатора и предписалъ губернскому правленію привести его въ исполненіе. Согласно этому указу Осипъ Кирилловъ за негодностью къ военной службѣ былъ отосланъ въ распоряженіе Кавказскаго областнаго управленія, а объ исполненіи рѣшенія Сената надъ сыномъ Кирилова дано было знать Петербургскому губернскому правленію, а оттуда было переслано въ мѣстную управу благочинія.

Но въ слѣдующемъ году дѣло почему-то приняло совершенно иной оборотъ.—Лаврентій Кирилловъ обратился къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбою не заключать его подъ стражу, какъ требовала управа благочинія. Департаментъ

---

1) Дѣло (секретное) канцеляріи Влад. губернатора по доносу дворового человѣка П. Иванова, что крестьянинъ Суздал. уѣзда с. Романова О. Кирилловъ **принадлежитъ къ сектѣ скопцовъ—1831 г. № 40.**

полиціи по порученію Министра просилъ у губернатора доставить свѣдѣнія по этому дѣлу. Губернаторъ сообщилъ вышеизложенныя свѣдѣнія, но министерство потребовало еще копію съ приговора Владимірской уголовной палаты и копію съ представленія губернатора въ Правительствующій Сенатъ. Изъ министерства дѣло поступило въ комитетъ Министровъ, который 31 октября 1833 г. постановилъ: скопцовъ Кирилловыхъ отъ всякаго суда и слѣдствія учинить свободными, крестьянина Осипа Кириллова немедленно возвратить на прежнее мѣсто жительства.

Такимъ образомъ Комитетъ Министровъ отмѣнилъ распоряженіе Правительствующаго Сената. Чѣмъ объясняется такая отмѣна, изъ дѣла, къ сожалѣнію, не видно.—Но должно быть, министерство было заинтересовано въ этомъ дѣлѣ: чрезъ полтора года 1 мая 1835 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обращается къ губернатору съ запросомъ, возвращенъ-ли съ Кавказа Осипъ Кирилловъ. Тотъ оказался еще не возвращеннымъ. Черезъ годъ запросъ былъ повторенъ. Но по полученнымъ въ 1836 г. свѣдѣніямъ оказалось, что Осипъ Кирилловъ 11 декабря 1834 г. умеръ въ Метохскомъ госпиталѣ на Кавказѣ.

Послѣднее дѣло о скопцахъ, имѣющееся въ нашемъ распоряженіи, относится къ 1834—35 годамъ [1]). Къ сожалѣнію, въ здѣшнемъ архивѣ сохраняется только постановленіе уголовной палаты и комитета Министровъ по этому дѣлу и приведеніе въ исполненіе этого постановленія, самое же дѣло передано въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Между тѣмъ здѣсь должны быть интересны и подробности, которыя, вѣроятно, обрисовываютъ, какую роль игралъ въ данномъ случаѣ извѣстный скопческій учитель Алексѣй Ив. Громовъ, «первый апостолъ» К. Селиванова, попавшій въ это время подъ судъ.

---

1) Дѣло (секретное) канцеляріи Влад. губернатора о 17 человѣкахъ Шуйскихъ мѣщанъ и крестьянъ Вязник. уѣзда, судимыхъ за оскопленіе себя и другихъ—1835 г. № 77.

Къ суду были привлечены 17 скопцовъ обоего пола: Шуйскій мѣщанинъ Павелъ Морозовъ, жена его Агафья Иванова, мѣщанскія дѣвицы—Стефанида Порфирьева и Анна Анисимова, крестьянинъ села Дорокъ Иванъ Егоровъ, сынъ его Семенъ, дочь Дарья, сестра Евдокія, крестьянинъ Кириллъ Васильевъ, сестра его Марья, дочери ея Анна и Марья Тимофеевы, крестьянки Матрена Ефимова, Аксинья Егорова, Марья Егорова, Настасья Лазарева и бѣжавшій изъ Сибири отставной солдатъ Алексѣй Громовъ. Всѣ эти лица судились за оскопленіе себя, Морозовъ еще и за оскопленіе двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, Громовъ за участіе въ скопчествѣ, побѣгъ изъ Сибири и имѣніе при себѣ фальшиваго паспорта. На допросѣ виновные не выдали своихъ оскопителей, а показывали, что они или сами произвели себѣ операцію оскопленія (у женщинъ оказались вырѣзанными груди) или ссылались на умершихъ родственниковъ, на болѣзни, малолѣтство и даже на учиненное надъ ними насиліе.—Что касается Громова, то онъ ни самъ не сознался, ни не былъ уличенъ въ оскопленіи другихъ, но навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ томъ.—И надо полагать, что этотъ фанатикъ былъ здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Можетъ быть, ему обязано и возникновеніе скопческаго общества въ этомъ краѣ, чрезъ который онъ проходилъ съ Андреяновымъ въ 1824—25 годахъ; и тогда они останавливались въ Шуѣ въ домѣ одного скопца ночевать [1]). Въ среду этихъ знакомыхъ уже людей Громовъ заявился и послѣ побѣга изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ въ 1827 г. Уголовная палата постановила: Громова наказавъ 10 ударами плетей, сослать вновь въ Сибирь на поселеніе, остальныхъ мужчинъ отдать въ солдаты въ Кавказскій корпусъ, а въ случаѣ негодности ихъ къ военной службѣ—ихъ и всѣхъ женщинъ, а также и малолѣтнихъ дѣтей Морозова сослать въ Закавказскія провинціи. Комитетъ Министровъ, куда поступи-

---

1) См. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1872 г. кн. III стр. 711—Мельникова «Матеріалы по исторіи скопческой секты».

345

ло это дѣло, 31 декабря 1835 г. утвердилъ постановленіе палаты, прибавивъ, чтобы Громовъ былъ сосланъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири преимущественно туда, гдѣ поселены уже скопцы.—Приговоръ вскорѣ былъ приведенъ въ исполненіе; мужчины признаны негодными къ военной службѣ и были сосланы въ Закавказье, а малолѣтнія дѣти Морозова отданы во Владимірскій гарнизонный батальонъ въ флейтщики или барабанщики.

Этимъ и ограничиваются архивныя свѣдѣнія о скопцахъ въ предѣлахъ Владимірской епархіи. Были-ли еще скопцы въ первой половинѣ текущаго столѣтія и есть-ли они въ настоящее время, о томъ мы свѣдѣній не имѣемъ. Но это отсутствіе оффиціальныхъ свѣдѣній не можетъ еще ручаться за то, что и въ дѣйствительности больше не было и нѣтъ скопцовъ въ нашей епархіи. Въ этомъ до извѣстной степени насъ можетъ убѣждать только самый характеръ возникновенія у насъ скопческихъ кружковъ. Мы видѣли, что и въ Суздалѣ, и вокругъ Шуи и въ Нушполѣ скопчество возникло подъ посторонними вліяніями, что среди *мѣстнаго населенія*, не оказалось видныхъ и вліятельныхъ пропагандистовъ этой секты... Не будь этихъ постороннихъ вліяній, эта сектантская зараза, можетъ быть, и совсѣмъ не коснулась бы нашего края.

В. Добронравовъ.

Отдѣльные оттиски изъ Владимірскихъ Епархіальн. Вѣдомостей за 1900 г.

Типографія В. А. Паркова, во Владимірѣ.